

Алексей Калугин

**ДОМ
НА БОЛОТЕ**

Апокалипсис-СТ

Алексей Калугин

Дом на болоте

«ЭКСМО»

2005

Калугин А. А.

Дом на болоте / А. А. Калугин — «Эксмо»,
2005 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-699-21490-7

В начале XXI века вокруг Чернобыльской атомной станции образовалась загадочная аномальная Зона, и многие любители легкой наживы слетелись сюда в надежде разыскать редкостные артефакты, стоящие огромных денег. Но очень скоро стало ясно, что вернуться отсюда удастся далеко не всем... У сталкера Штыря был собственный план обогащения. Он не собирался прорываться через радиоактивные территории и смертоносные ловушки к таинственному Монолиту, исполняющему желания, не собирался сражаться с мародерами и свирепыми мутантами – он просто хотел ограбить и убить живущего на болоте Доктора, человека, который бескорыстно лечил раненых сталкеров. Штырь не знал, что тем самым бросает вызов не только сталкерскому братству, но и всей Зоне...

ISBN 978-5-699-21490-7

© Калугин А. А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Калугин

Дом на болоте

Глава 1

Зона начинается с армейского блокпоста. Это известно каждому. Проникнуть в Зону можно разными путями. Можно подкупить часовых. Но это не защитит тебя от выстрела в спину. Можно найти брешь в окружающем Зону кордоне. Но это не значит, что, миновав колючку, ты не попадешь на минное поле. Можно наняться подсобным рабочим в очередную группу исследователей, отправляющихся в Зону, а по дороге как бы случайно свернуть не в ту сторону. Но это не спасет тебя от притаившегося среди развалин кровососа. И даже если тебе невообразимо повезет, настолько, что минует тебя кислотный туман, стая слепых псов не возьмет твой след, очередной выброс произойдет строго по расписанию, а не на сутки раньше, когда его никто не ждет, и тень Черного сталкера не коснется тебя, все равно считай, что ты уже покойник. Потому что все только начинается. Зона живет по своим законам, изучить которые невозможно. Впрочем, это только так говорится – «по своим законам», а на самом деле никаких законов нет. Так же, как нет правил. Нет системы, которая могла бы помочь выжить здесь. В Зоне можно доверять только самому себе – своему зрению, обонянию, слуху, своей интуиции, своей способности мгновенно оценить ситуацию и выстрелить, почти не целясь, или вовремя опустить оружие, чтобы дать понять, что у тебя нет враждебных намерений.

Ты сможешь считать, что смерть дала тебе отсрочку, только после того, как откупоришь банку дешевого пива в баре «Сталкер». Бывалые сталкеры говорят, что тот, кто добрался до бара, прошел крещение Зоной. Но даже это еще ничего не значит. Потому что смерть – она в Зоне повсюду. И на выходе из бара какой-нибудь вконец очумевший полтергейст, обосновавшийся в квартире двумя этажами выше, может скинуть тебе на голову наковальню. Или концертный рояль. Как в дурацком мультике про сумасшедшего кролика. Вот только смеяться будет некому.

Бар «Сталкер» отыскать несложно. Дорогу к зданию, в котором когда-то давно, еще до того, как рванула Чернобыльская АЭС, располагался универмаг, укажет любой. Слева от центрального входа в бывший магазин находится ведущая в подвал металлическая дверь. Спускаешься по лесенке в десять ступенек, проходишь по узкому коридору, и вот ты уже в баре. С десятков обшарпанных столиков, найденных черт знает где, и импровизированную стойку – загнутый по краям длинный лист железа, уложенный на две ржавые металлические бочки, – освещают три тусклые лампы с погнутыми жестяными рефлекторами. Хозяин – невысокий, кособокий человек с изуродованным ожогами лицом, прозванный Крысом за то, что никогда не покидает своего подвала, – пускает в бар каждого, кто смог до него добраться. Как и всякий другой торговец, Крыс продает и покупает все, что имеет реальную стоимость. Торг идет в отдельном помещении. Но место за стойкой бара будет предложено тебе лишь после того, как ты покажешь, на что способен. Как минимум ты должен уметь оставаться живым там, где жизнь невозможна в принципе.

Новички всегда привлекают внимание бывалых сталкеров. Человек, недавно оказавшийся в Зоне, может рассказать о том, что происходит за ее пределами. В Зоне ведь нет других новостей, кроме как о том, кто как погиб, где какая тварь выбралась из своей норы, сколько осталось до очередного выброса и кто нынче больше дает за найденное в Зоне барахло, ученые или торговцы.

В ночь перед выбросом в баре людно. Никто не знает, что происходит в Зоне в момент, когда из самого ее чрева, из-под руин дважды взорвавшейся Чернобыльской атомной станции,

куда даже спяну ни один сталкер не сунется, вырывается поток аномальной энергии. Потому что никто больше не видел тех, кто по неопытности или волей безразличной ко всему судьбы оказался во время выброса под открытым небом. Перед выбросом сталкеры заблаговременно ищут убежища в подвалах разрушенных домов, в норах безымянных тварей, покинутых обитателями, в старых канализационных коллекторах, в брошенных военными бронетранспортерах, – да где угодно, только бы укрыться с головой. Ну, а тот, кто оказывается неподалеку от бара, спешит в гости к Крысу. Почему бы не провести время вынужденного бездействия в покое и относительном уюте, закусывая отдающее жестью баночное пиво тушенкой с галетами из армейского рациона, что толкнул кому-то из торговцев предприимчивый начпрод из роты стройбата, недавно переброшенной в район пятого блокпоста? А как только волна аномальной энергии схлынет, сталкеры отправятся на добычу. После выброса в Зоне, новых артефактов – собирай – не хочу. Но и аномалии все по новым местам разбросаны, и уродищ богомерзких полным-полно. Казалось бы, отстреляли почитай что всех после прошлого выброса, а Зона – на тебе! – вновь породилась монстрами.

– Зона – это преддверие Ада. Первый его круг... Хотя, может быть, и второй.

Произнесший эту фразу сталкер глотнул пива, озадаченно качнул головой и задумчиво почесал кудлатую рыжую бороду – должно быть, самого удивило то, что сказал. Прозвище его было Борода. Почему – понятно. По Зоне Борода бродил уже третий год. Зачем и почему пришел он в Зону, никто не ведал. У коллег по цеху Борода за годы сталкерства снискал хорошую репутацию. Разговорчив, незлобив, шутку понимает, тем, что есть, всегда поделиться готов. Многие удивлялись даже, как он жив-то еще с таким мягким характером. Однако на замечания приятелей насчет того, что нужно бы пожестче да поприжимистее быть, Борода только посмеивался в бороду. И продолжал себе топтать мертвую траву Зоны.

– Почему второй? – спросил молодой парень, сидевший за одним с ним столом.

Пятидневная черная щетина покрывала его подбородок и щеки. На застевке потрепанного, явно с чужого плеча защитного костюма очки солнцезащитные болтаются, с тоненькими дужками, с кругленькими радужными стеклышками. По всему видно – новичок.

– Если Зона – второй круг Ада, тогда где же первый?

– Первый – за армейским кордоном, – усмехнувшись, ответил третий, сидевший за столом.

Этого звали Бычком. Маленький, коренастый, с непропорционально большой головой, которую делал еще больше круглый пластиковый шлем от скафандра, что ученые надевают, когда на зараженный участок влезть надумают. Сам по себе, без скафандра, шлем абсолютно бесполезен. Но Бычка в этом никто убедить не мог. Он даже в помещении никогда шлем не снимал, только пластиковое забрало открывал, если хотел что-то в рот кинуть. Говорят, что и спал он со шлемом на голове. Что, впрочем, маловероятно. Как бы там ни было, большая голова и шлем делали Бычка похожим на маленькую большеголовую рыбку, в засушенном виде очень хорошо под пиво идущую. Она-то и подарила сталкеру прозвище.

– Воистину так, – степенно наклонил голову Борода. – Мир, родившийся на границе между Раем и Адом, едва ли не с первого дня творения начал сползать в Ад, – сталкер провел ладонью по бороде. – Надеюсь, вы понимаете, что я выражаюсь фигурально. На самом деле я, конечно, знаю, что Вселенная родилась в результате Большого Взрыва.

– В таком случае, уточнение, – поднял руку молодой сталкер. – Мир стал превращаться в Ад не в тот момент, когда возник, а когда на планете Земля появился человек.

– Точно! – Бычок столь энергично мотнул головой, что едва не смахнул со стола банку пива. – Человек – это такая зар-р-раза...

Не зная, что еще к этому добавить, Бычок вскинул сжатые в кулаки руки и как следует ими потряхнул.

– И что из этого следует? – хитро прищурился Борода.

– Что? – спросил молодой.

– То, что Зона есть не аномалия, а следствие вполне закономерного процесса развития мира, населенного людьми! – Итожа фразу, Борода хлопнул ладонью по столу.

– Точно! – с воодушевлением повторил его жест Бычок. – Как говаривал один международный герой: я тебя породил – я тебя и убью! Зона всех нас сожрет. Всех! Рано или поздно!

– Не каркай, – угрюмо произнес сидевший за соседним столиком долговязый сталкер. Защитный комбинезон у него на спине, разодранный от воротника до самого пояса, был грубо стянут широкими стежками дратвы.

Бычок только рукой махнул.

– Природа! – Он строго погрозил потолку пальцем с обкусанным ногтем. – Природа мстит человеку!

– Какая там природа, – лицо Бороды сжалось, точно губка, из которой выдавили воду. – Сами мы дураки.

– Это почему же? – Бычок обиделся – не то за себя самого, не то за все человечество.

– Кто атомную станцию в Чернобыле построил? А?.. А антенна на ней сама, скажешь, выросла?

– Антенна... – Не зная, что ответить, Бычок только руками развел. – Ну, ты скажешь, Борода...

– А сейчас еще и кризис нефтяной, – вставил невпопад молодой сталкер.

– Где? – чуть ли не с испугом уставился на него Бычок.

– В мире, – парень растерянно моргнул. – Мировой нефтяной кризис... Переворот в Саудовской Аравии.

– Это как же? – озадаченно наклонил голову Бычок. – Там что, тоже Зона образовалась?

– Дворцовый переворот, – объяснил молодой. – Наследный шейх убит, к власти пришел кто-то из военных, полковник, кажется... Имена у них у всех больно уж закрученные, не запомнишь... Ну, в общем, нефтепроводы взорваны, терминалы горят. Россия тут же вздула цены на свою нефть. Американцы в ответ говорят, что делиться, мол, надо, особенно в такую тяжелую для всех пору. Ну, и потихоньку войска натовские к границе российской подтягивает.

– Введут? – с чрезвычайно серьезным видом поинтересовался Борода – прямо не сталкер, а геополитик.

– Да кто ж их знает, – пожал плечами молодой. – Может, и введут... Американцы – они ж безбашенные.

– Пусть вводят, – согласился Борода. – После сами же пожалеют.

– Это почему вдруг? – живо заинтересовался таким раскладом Бычок.

– Потому что в обмен на нефть стотридцатимиллионное население кормить придется. Русские – они такие: ежели американцы к ним вопрут, так они и вовсе работать бросят, гуманитарной помощи ждать станут. На фига, спрашивается, работать, ежели дядя Том всех в свою хижину на пирушку приглашает?

– А ты сам разве не русский? – искоса глянул на собеседника Бычок.

– Я – сталкер, – усмехнулся Борода. – У сталкера нет ни национальности, ни гражданства, ни долга перед родиной. У него только и есть, что Зона.

– Да-а, – с озабоченным видом покачал головой в круглом шлеме Бычок. – Вот так сидишь тут, в Зоне, и не ведаешь, что за дела в мире творятся. Я, Борода, в отличие от тебя – патриот. И, как истинный патриот, скажу тебе прямо...

– Ты когда последний раз газету читал, патриот? – перебил Бычка бородатый сталкер.

– Газету?.. – Бычок поднял руку, чтобы складки на лбу ногтями перебрать, а пальцы наткнулись на пластик. Бычок с досады плюнуть хотел, да вовремя сообразил, что плевок может в шлеме остаться. – Я как-то на Ростке подшивку газет за две тыщи шестой год нашел. Отволок Жабе, а он, жлоб, даже банку тушенки за нее дать отказался!

– Правильно, – кивнул Борода. – Кому нужны газеты пятилетней давности?

– А! – Бычок радостно хлопнул в ладоши и, выбросив правую руку вперед, нацелил палец на собеседника. – Ты тоже не понял!

Борода сурово брови насупил. Навалившись грудью на край стола, Бычок подался вперед.

– Это ж не просто подшивка старых газет. – Палец оказался переориентирован на потолок. – Артефакт!.. Врубаешься?..

Борода отрицательно покачал головой. Молодой тем временем переводил непонимающий взгляд с одного сталкера на другого.

– Подшивка газет за две тыщи шестой год, – медленно, как будто разговаривал с идиотом, повторил Бычок. – Откуда на Ростке подшивка газет за две тыщи шестой год? Чернобыль-то в каком рванул?

Поскольку Борода молчал, на вопрос ответил молодой:

– В восемьдесят шестом... Кажется.

– Во! – Бычок снова ткнул пальцем в потолок. – И с тех пор здесь никто газет не выписывал. И уж точно не подшивал.

– Ну и что? – пренебрежительно дернул плечом Борода.

– А то, что это артефакт был! Сиречь созданный Зоной таинственный предмет непонятного назначения.

– И что ты сделал с этим аномальным предметом, когда Жаба его у тебя не взял?

– Ну... – Бычок быстро отвел взгляд в сторону. – Извел потихоньку... На всякие там... бытовые нужды.

– Задницу, выходит, подтирал артефактом, – расшифровал эвфемизм мрачный сталкер в драном комбинезоне.

– Слушай! – Бычок рывком повернулся в его сторону. – Не с тобой вообще разговаривают!

Мрачный буркнул что-то себе под нос и уткнулся в банку рыбных консервов.

Сообразив, что дальнейшему развитию темы газетного артефакта следует положить конец, Бычок умело перевел разговор в иное русло.

– Как, ты говорил, тебя кличут-то? – обратился он к молодому.

– Штырь, – процедил сквозь зубы парень, полагая, что так его прозвище прозвучит весьма внушительно.

– Сам придумал?

Молодой растерянно приоткрыл рот.

Борода усмехнулся. Ничто не меняется в этом проклятом мире. Штырь... Сколько таких штырей повидал он на своем веку. Каждый молодец, возмнивший себя сталкером, тут же придумывает себе прозвище, звучащее резко, как гвоздь, заколоченный в доску с одного удара. И чтобы непременно с шипящей начиналось. Штырь. Штык. Чекан. Жало. Был один, который себя Чардашем называл. Должно быть, услышал где-то. Так и сгинул, не узнав, что слово сие означает. А прозвище – его ведь придумать невозможно. Прозвище невесть откуда берется и само к человеку прилипает. Так что, может быть, и этот парень, что Штырем себя называет, ежели еще полгода в Зоне протянет, свое прозвище получит.

– Ты давно в Зоне-то, Штырь? – продолжал между тем пытаться молодого сталкера Бычок.

– Прилично, – попытался уйти от прямого ответа парень.

– А-а, – с пониманием кивнул Бычок. – Неделью, выходит?

– Три месяца, – огрызнулся парень.

И ведь врет еще, дурачок. По амуниции видно, что не больше месяца.

– Небось дальше Ростка еще не бывал? – все подзуживал парня сталкер в шлеме.

– Я на Милитари ходил.

– Ну, и как там, на Милитари? Кровососов много?

Штырь отвел взгляд в сторону.

– Ходил, но не дошел.

– А что так?

– На гравипакет в трубе наткнулся.

– Мощный?

– Нормальный.

– Как же ты его засек?

– Болт бросил.

– Надо же! – словно в изумлении вскинул брови Бычок. – И кто ж тебя такому научил?

– Никто. В книжке одной прочитал.

– Это что ж, про Зону теперь уже и книжки пишут? – Бычок откинулся назад и радостно хлопнул в ладоши. – Эдак, глядишь, скоро и кино снимут!

– Старая книжка. Еще до Чернобыля написана.

– А называется как?

– Не помню.

Бычок склонил голову к плечу и посмотрел на молодого недоверчиво.

– А не трындишь?

– Нет. Честно, читал... В школе еще.

– Отстань от парня, Бычок, – усмехнулся беззлобно Борода. – Сгоняй-ка лучше за пивом.

– А почему я? – вскинулся сталкер. – Пусть молодой сходит!

– Молодому Крыс «Клинское» даст. А у него, я знаю, «Черниговское» прибрано.

– Ну, ежели «Черниговское»...

Бычок поднялся на ноги, поправил шлем на голове и потопал в сторону крысовой подсобки.

– Ты действительно пытался на Милитари залезть? – спросил Борода у новичка.

– Ну да, – кивнул тот.

– Дурак, – поставил диагноз Борода. – С той амуницией, что у тебя, ты бы там и часа не протянул.

Вернувшийся Бычок поставил на стол две бутылки «Черниговского» и радостно сообщил:

– Последнее забрал!

– Если бы не гравипакет в трубе... – Штырь залпом допил остававшееся у него в банке пиво.

– Гравипакет в трубе можно было по потолку обойти. – Бычок ловко сорвал с принесенных бутылок пробки.

– Для этого липучки нужны.

– А я что говорю! – Борода сделал глоток пива и довольно крикнул. – Да, «Клинскому» не чета... Амуниция у тебя, – это он снова обращался к молодому, – не та, чтобы на Милитари лезть.

– Ты вокруг Ростка пошарь, – доброжелательно посоветовал Бычок. – Может, и найдешь что интересное – после выброса артефактов как грибов после дождя. Тогда и липучки купишь.

– Я уже нашел, – Штырь заговорщически понизил голос и по сторонам глянул, как будто хотел убедиться, что их никто не подслушивает. – Только не знаю, кому предложить.

– Отдай Крысу. – Борода не проявил того интереса, на который рассчитывал молодой сталкер. Он вообще не проявил никакого интереса – мало ли, что парень плетет. – У Крысы расценки чуть ниже, чем у других торговцев, да только стоит ли дороги мерить из-за одного артефакта?

– Вещь необычная, – прищурился Штырь.

– Да ну! – Бычок сделал вид, что удивился. – И где ж ты ее откопал?

– В той самой трубе, что на Милитари ведет.
– Не заливай, – презрительно скривился Бычок. – Там все хожено-перехожено.
– Артефакт возле самого гравипакета лежал, поэтому никто и не обращал на него внимания. А если кто и видел, то достать не мог.

– А ты, выходит, смог?

– У меня тоже не сразу вышло. Когда я палкой к артефакту потянулся, силовое поле палку в сторону откинуло. Да так, что я ее в руках не удержал. Еще пару раз попробовал – ладонь отшиб, плюнуть решил. А потому сообразил, что палку нужно под таким углом к гравипакету поднести, чтобы он сам развернул ее в нужную сторону.

– Долго мучился? – участливо поинтересовался Борода.

– Долго, – признался Штырь.

– Делать, видно, было нечего, – усмехнулся Бычок.

– И стоило оно того? – спросил Борода.

– Сам посмотри.

Штырь наклонился, вытянул из-под стула рюкзак, расстегнул левый клапан, – дернул за ремень нервно, едва не оторвал, – и выложил на стол серый овальный камень, размером чуть поболее хорошего кулака.

Бычок протянул руку, поскреб камень ногтем, усмехнулся.

– Если ты мне за каждый такой булыжник по червонцу платить станешь, я еще до выброса пару мешков приволоку.

Молодой стиснул зубы так, что на скулах желваки выступили.

– Да не злись ты, не злись, – замахал на него руками Бычок. По природе своей он был миролюбивым человеком. В том смысле, что не видел смысла в драке без причины. – Со всяким случается. Понимаю, очень хотелось тебе найти хоть что-нибудь необычное. Ну, в самом деле, – театрално взмахнул руками сталкер, – не являться же в бар с пустыми руками!

– Посмотри как следует! – Штырь схватил камень, перевернул его и грохнул о стол так, что стоявшие на нем бутылки звякнули, а пустые пивные банки задребезжали. – Вот! – Штырь поочередно ткнул пальцем в четыре неглубокие выемки на поверхности камня. – Это же явно под руку сделано! – Парень схватил камень, вложил пальцы в выемки. – Как пульт дистанционного управления!

– Глупая и бессмысленная шутка природы, – поставил диагноз Бычок. – Я как-то раз, еще до Зоны, дома нашел на берегу кусок белого камня, похожий на такой здоровый... – Сталкер, как рыбак, обозначил руками нешуточные размеры найденного предмета. – Эрегированный, короче... Ну, и что мне с ним было делать?

Тут же из разных концов зала было дано одновременно несколько взаимодополняющих ответов на прозвучавший вопрос, после чего Бычок понял, что снова дал маху.

Борода тем временем взял у Штыря камень, повертел его в руках, положил на ладонь, приложил пальцы по меткам.

– Не вижу смысла.

– Точно! – поддакнул Бычок. – У каждого артефакта есть какое-то свое свойство. А с этим камнем что?

– Когда он лежал рядом с гравипакетом, выемки светились.

– Остаточная радиация, – махнул рукой Бычок.

– Проверь счетчиком Гейгера!

– Ну вот еще, стану я из-за каменюги какой-то батарейки сажать!

– Извини, парень, но я с Бычком согласен. – Борода вернул молодому камень, который тот пытался выдать за артефакт. – Нет свойств – нет артефакта.

– Есть артефакты, которые проявляют свои свойства при взаимодействии с другими предметами или аномалиями Зоны.

– Есть, – не стал спорить Борода. – Но этот, – он коснулся пальцем камня, – не из их числа. Поверь мне, парень. Вместо того, чтобы выдавать желаемое за действительное, займись лучше стоящим делом. Хочешь, я Крысу за тебя словечко замолвлю?

– И что? – Штырь глянул на бородатого сталкера исподлобья. – Он мне пиво разносить доверит?

– Дурак ты, – сказано было от чистого сердца. – У Крыса вся необходимая амуниция имеется.

– Так он мне ее и даст.

– Даст, если возьмешься несколько его поручений выполнить. Отработаешь, и новый защитный костюм твой.

– Нет, – покачал головой Штырь. – Я в Зону не затем пришел, чтобы на Крысов всяких там работать.

– А зачем тогда, позволь спросить?

– Мое дело, – усмехнулся парень.

Нехорошо усмехнулся, с чувством собственного превосходства. А такого в компании своих ребят допускать нельзя. И уж тем более в компании бывалых сталкеров, каждый из которых столько всего повидал, что тебе, может быть, и за всю оставшуюся жизнь не увидеть. Разве кто обещал, что жизнь у тебя будет долгая?

– Понятно, – с бутылкой пива в руке Борода откинулся на спинку стула, заскрипевшую так, словно готова была сломаться. – Вознамерился денег намыть и свалить отсюда по-быстрому.

– А что? – Штырь прищурился и слегка втянул голову в плечи, будто в ожидании удара.

– Да ничего, – Борода провел горлышком бутылки слева направо. – Ровным счетом ничего. Кроме того, что таких молодых да прытких каждую неделю грузовик из Зоны к блокпосту свозит. В гробах цинковых. И что самое интересное, никто не знает, кто их в те гробы укладывает.

– Слышал, – натянуто усмехнулся Штырь. – Еще одна легенда Зоны.

Короткие, прерывистые звуковые сигналы раздались одновременно из разных концов зала. Борода недовольно поморщился и посмотрел на стоявший у ножки стула рюкзак, в кармашек которого он сунул свой ПДА. А вот у Бычка ПДА был под рукой. Вернее, на руке, на левом запястье, повыше multifunctional часов Casio китайского производства. Надпись на дисплее ПДА лаконично извещала о том, что в двенадцатом секторе второго уровня, совсем неподалеку, погиб сталкер Семяцкий.

– Не к добру это, – озабоченно покачал головой в шлеме Бычок. – Ох, чую я, не к добру. Мощный, наверное, будет выброс.

– Не, ты, дружище, не прав, – подал голос сталкер в разорванном на спине комбинезоне, сидевший, как и прежде, в одиночестве. – Смерть Семяцкого – это хороший знак. Я как-то раз чуть было в призрачный очаг не вляпался. Уже и ногу занес. Но тут ПДА просигналил. Я смотрю на дисплей – Семяцкий погиб. А в это время крыса какая-то чумная у меня меж ног проскочила и прямехонько в очаг. Вспышка! Была тварь, и – нету. А могло бы и меня не стать. Так что спасибо огромное Юрию Михайловичу.

Сталкер отсалютовал банкой с пивом в пространство и выпил.

Вопреки обыкновению, Бычок на этот раз спорить не стал.

– Кто такой этот ваш Семяцкий? – спросил Штырь.

Лица всех, кто услышал вопрос, обратились в сторону молодого сталкера.

– Ты не слышал о Семяцком?

– Слышал ерунду всякую, – натянуто усмехнулся Штырь. – Ну, вроде как еще одна легенда Зоны.

– Легенда, говоришь? – Борода откинулся на спинку стула, провел ладонью по бороде. – А я вот Семецкого лично знал.

– Я тоже пару раз с ним встречался, – поддакнул Бычок. – До того еще, как он Вечным сталкером сделался.

– Сказки все это. – Штырь оперся рукой о край стола и поднялся на ноги. – Я лучше за пивом схожу.

– Ну, сходи, сходи, – кивнул задумчиво Борода.

Парень достал из-под стула рюкзак, закинул лямку на одно плечо, взял лежавший позади него на стуле «калашников» – старенький, с трещиной на прикладе.

– Далеко собрался? – участливо поинтересовался Бычок.

– Я же сказал, за пивом, – кивнул в сторону подсобки молодой.

– Тогда вещички-то оставь, приглядим.

– Ничего, – криво усмехнулся парень. – Своя ноша не тянет.

– Так-то оно так, конечно, – не стал спорить Бычок. – Да только... А, ладно, – махнул он рукой. – Иди с богом.

– Как думаешь, сколько такой продержится? – спросил Борода, когда парень скрылся за дверью подсобки.

– Месяца не протянет, – уверенно заявил Бычок.

Борода задумчиво наклонил голову.

– Дурак он, конечно, но ведь осторожный. Смотри-ка, никому не верит.

– Нельзя никому не верить, – покачал головой в шлеме Бычок.

– Оно, конечно, так, – согласился Борода. – Да только верить каждому тоже нельзя...

Одним словом, я полагаю, что этот Штырь месяца три все же продержится. Если сразу по дури своей к реактору не полезет.

– Да какой там реактор, – скроил презрительную гримасу Бычок. – Его в Припяти зомби съедят, ежели он туда сразу после выброса сунется.

– Забьем? – предложил Борода.

– По сколько?

– По две сотни.

– А срок?

– Ты назвал месяц.

– Да, но ты-то сказал – три!

– Хорошо, если через два месяца Штырь все еще будет жив, значит, я выиграл. Нет – деньги твои.

– Идет!

Сталкеры ударили по рукам.

Тут и сам объект спора вернулся. С банкой «Клинского» пива.

– Что-то долго выброса ждем, – произнес он с видом знатока.

– А чего ему торопиться-то? – пожал плечами Бычок. – Жахнет, когда придет пора.

– У меня перед выбросом, минут за пятнадцать, зубы ныть начинают, – сообщил сталкер в рваном комбинезоне. – Пока ничего не чувствую.

– Бред какой-то, – презрительно фыркнул Штырь. – При чем тут зубы?

– При том, что я ими хлеб жую, – ответил сталкер и отвернулся.

– В Зоне происходит много такого, чему нет и не может быть рационального объяснения, – сказал Борода. – Нужно уметь наблюдать, сопоставлять факты и делать соответствующие выводы. Для нас главное – выжить. А что, как и почему – с этим пусть ученые разбираются.

– А вот интересно, – дернув за кольцо, парень откупорил банку пива. – Что, если поймать этого вашего Семецкого и ученым оттащить, сколько они за него заплатят?

– Вот когда встретишь Вечного, сам у него и спросишь. – Бычок бросил на Штыря взгляд настолько недружелюбный, что еще самую малость, и его можно было бы назвать враждебным. – Охота беду накликать, – пожалуйста, – широкий взмах руки. – Только я при этом рядом с тобой находиться не желаю.

– Я ж пошутил, – осклабился парень.

– А Семецкий, говорят, шуток не понимает.

– Ну, а если серьезно? – Штырь глотнул пива и недовольно поморщился – кислое. – Откуда у этой легенды про Вечного сталкера ноги растут?

– Оттуда же, откуда и у тебя, – ответил Бычок. – Из жопы.

– Будет тебе, – решил все же утихомирить приятеля Борода. – Парня не дразнить надо, а объяснить ему, что к чему.

– Ага, – ехидно сощурился Бычок. – Точно, точно. Чем больше ты ему расскажешь, тем больше у тебя самого шансов выиграть пари.

– Какое пари? – насторожился молодой.

– А, так, – пренебрежительно махнул рукой Борода. – Не о том разговор. Ты про Монолит слышал?

– Слушайте, если вы опять собираетесь меня своими сказками потчевать...

– Слышал или нет?

– Слышал, что дальше?

– Так вот, имей в виду: был только один человек, которому удалось до Монолита добраться и назад живым вернуться.

– Ну, насчет живого я сильно сомневаюсь, – вставил Бычок.

– Но он и не мертвый.

Бычок сделал движение рукой, которое можно было расценить как знак согласия, хотя и не очень уверенный.

– И он не зомби, – добавил Борода.

– Я бы так сказал: Семецкий пребывает в некоем странном, неизученном состоянии, промежуточном между жизнью и смертью. Он одновременно и жив, и мертв.

– Как это? – озадаченно сдвинул брови Штырь.

– А вот так, – развел руками Бычок. – Живой человек может пережить выброс на открытой местности?

– Нет, – уверенно качнул головой Штырь. А что сомневаться – это аксиома, которую нет смысла проверять на собственной шкуре.

– А Семецкому выброс хоть бы что, – Бычок стукнул ладонью по столу. – Вот так!

– А как же сообщения о смерти Семецкого, которые приходят на ПДА?

– Если бы кто знал, – Борода свистнул негромко. – Одни считают, что это ловушка такая. Другие говорят, что сообщение о смерти Семецкого непременно совпадает по времени с реальной гибелью одного из сталкеров.

– Хорошо, сказку я вашу выслушал. – Штырь повертел в руках полупустую банку и поставил ее на стол – пиво ему не понравилось. – И в чем тут мораль?

– Мораль в том, что не суйся туда, куда тебя не зовут, – ответил Бычок.

– И десять раз подумай, прежде чем сделать шаг, – добавил Борода.

– Прямо сталкерский дзэн какой-то, – усмехнулся Штырь.

– Дзэн не дзэн, но запомни, парень: прежде чем обживать Зону, нужно самому стать ее частью. Только тогда у тебя будет шанс остаться в живых.

Штырь откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

– Это как же прикажете понимать?

– А вот как хочешь, так и понимай.

– Есть хочется, Борода, – пожаловался приятелю Бычок.

Борода недовольно поджал губы.

– Как тряхнет при выбросе, так весь харч наружу.

– Да сколько его еще ждать, выброс этот!

Бычок выставил на стол банку мясных консервов и пачку галет с перцем. Борода ловко открыл жестянку ножом, вывалил содержимое на одноразовую тарелку, после чего перевернул нож и вытянул из рукоятки вилку. Бычок вооружился одноразовой пластиковой вилкой, и приятели принялись за еду.

Штырю присоединиться к трапезе никто не предложил, поэтому он сидел с жутко неэстетичным видом, оглядывая зал и осторожно рассматривая посетителей. Не сказать чтобы это было ему очень интересно, просто нужно было чем-то занять время.

– Скоро тряхнет, – ни к кому конкретно не обращаясь, сообщил сталкер в разорванном комбинезоне. – Зубы заныли.

Дверь бара приоткрылась, пропуская в помещение невысокого худого человека с прямой и длинной палкой в руке. Войдя, он аккуратно прикрыл за собой дверь, поставил палку у стены и откинул на спину широкий капюшон пыльника, скрывавший почти все его лицо. Затем настала очередь респиратора и больших мотоциклетных очков. На вид вновь прибывшему можно было дать лет пятьдесят, может быть, чуть больше. Узкое, худое лицо с длинным носом, широким лбом, выступающими скулами и ввалившимися щеками, отмеченными глубокими вертикальными морщинами, трудно было отнести к какому-либо ярко выраженному национальному типу. Длинные седые волосы, зачесанные назад, открывали глубокие залысины на висках. Бородка клинышком могла бы сделать человека похожим на испанского гранда, будь она аккуратно подстрижена или, на худой конец, причесана.

– Всем доброго дня, – произнес человек негромким, чуть сипловатым голосом.

Ответом ему был нестройный хор голосов. Казалось, каждый, находившийся в баре, непременно хотел поздороваться с новым гостем. А кое-кто даже поднялся на ноги, чтобы пожать ему руку.

– Кто это? – спросил негромко Штырь.

– «Кто это», – передразнил Бычок. – Это, друг ты мой ситный, Доктор с Верхних Болот. Еще одна легенда Зоны.

– И чем же он знаменит?

– Тем, что ежели вляпаешься по-серьезному в какое-нибудь дерьмо, но при этом чудом жив останешься, единственный, кто, быть может, сумеет тебя спасти, – это Болотный Доктор. Он лучше, чем кто-либо другой, разбирается в специфических болезнях Зоны и знает, что как лечить. Любой другой специалист, взглянув на тебя, только руками разведет, а Доктор, глядишь, и вытащит с того света.

– Доктора в Зоне ни одна тварь не трогает, – добавил Борода. – Говорят, он даже контролеров и изломов лечит, если раненого или больного встретит.

Доктор тем временем подошел к свободному месту за крайним столом, снял пыльник, сложил аккуратно и повесил на спинку стула. Под пыльником на нем был новенький защитный костюм со специальным покрытием, усиленный биометаллическими пластинами на груди и спине. Такой не всякая аномалия пробьет. Рюкзак у Доктора был такой же новенький, емкий, на раме. Судя по тому, как легко, одной рукой Доктор скинул его и поставил у стены, рюкзак был пустой. Последним легла на стул легкая штурмовая винтовка с откидным прикладом LR-300, на фоне «калашниковых», «ингремов» и даже редких «галил» смотревшаяся как топовая модель международного класса, непонятно зачем явившаяся на провинциальный конкурс красоты.

– Однако вооружен ваш Доктор очень даже неплохо, – не преминул заметить Штырь.

– А как же иначе, – с плохо скрытой завистью глянул на винтовку Доктора Борода. – По Зоне ведь, помимо тварей всяких, полно всяких людей мотается. А человеки – они порой страшнее дикого зверя бывают.

Разложив вещи, Доктор сел за стол. Он не успел еще ничего заказать, а перед ним уже появилась тарелка с едой: жареная картошка с мясом, явно не из консервной банки, даже с венчиком зеленой петрушки на краю, и чашка чая с лимоном. Доставил еду лично Крыс, который обычно обслуживанием клиентов не занимался. Доктор улыбкой поблагодарил хозяина бара и протянул ему сложенную в несколько раз бумажку. Крыс быстро кивнул, взял стоявший у стены рюкзак Доктора и удалился к себе в подсобку. А Болотный Доктор достал из кармашка на бедре пластиковый чехольчик, извлек из нее серебряную вилку и принялся за еду.

– И что все это значит? – спросил озадаченный Штырь.

– Доктор живет у себя на Верхнем Болоте. Один. Редко куда выбирается. Но примерно раз в месяц приходит в бар, чтобы затариться всем необходимым, – объяснил Борода. – Крыс его не только продовольствием, но и медикаментами снабжает. Тут правило такое: ежели Доктору чего нужно, он только на бумажке название пишет, а Крыс к следующему его визиту в лепешку расшибется, но достанет.

– Я пару раз бывал в доме Доктора на болоте, – добавил Бычок. – У него там клиника, какую даже военные сталкеры себе позволить не могут.

– Видно, дорого ваш Доктор берет за лечение, – сделал верный, как ему казалось, вывод Штырь.

– Доктор плату за лечение не берет. – Бычок покачал указательным пальцем. – Ни с кого!

– На что же он тогда живет? Зона ведь, – Штырь усмехнулся. – Это не санаторий на водах. Здесь каждый сам за себя.

– Знаешь что, Бычок, – с тоской посмотрел на приятеля Борода, – давай я тебе сразу две сотни отдам. Будем считать, я проиграл спор.

– Ну уж нет! – хлопнул по столу ладонью сталкер в шлеме. – Спор есть спор! Дождемся назначенного срока.

– О чем спор-то? – поинтересовался Штырь.

– Пустое, – махнул рукой Бычок.

– А что насчет Доктора?

– Все расходы Доктора оплачиваем мы, – ответил Борода.

– Кто это – мы? – не понял Штырь. – Вы с Бычком?

– Каждый сталкер, заходя в бар, оставляет Крысу деньги для Доктора. Кто сколько может. Своего рода медицинское страхование.

Штырь недоверчиво хмыкнул.

– Видишь ли, дружище, – подавшись вперед, Бычок хотел было подпереть голову кулаком, но вовремя вспомнил про шлем. – У каждого есть шанс рано или поздно попасть к Доктору. Поэтому лично мне хочется, чтобы, случись что, резал он меня не кухонным ножом. И ради этого мне не жалко отдать сотню-другую в месяц.

– Если только об этом и думать, так лучше и вовсе в Зону не соваться, – высказал свое мнение Штырь.

И в этот момент тряхнуло. Тряхнуло так, что Борода едва успел поймать бутылку с пивом, подпрыгнувшую на столе.

Сталкер в разорванном комбинезоне с облегчением потер ладонями щеки.

– Ну, вот и все! – радостно объявил Бычок. – Можно двигаться дальше.

– Ага. – Борода залпом допил оставшееся в бутылке пиво.

– Куда направляетесь? – как бы между прочим поинтересовался Штырь.

– Ты, парень, за дураков-то нас не держи, – строго погрозил ему пальцем Бычок. – И к другим с такими вопросами не приставай. Какой же рыбак тебе рыбное место покажет?

– У-у, – презрительно скривился Штырь. – Тоже мне, умник нашелся. Думаешь, у меня своих мест нет?

– Ну, так удачи тебе, – подмигнул Борода.

Штырь языком цокнул и демонстративно отвернулся.

Глава 2

Кто-то, собравшийся раньше всех, взял дробовик и вышел за дверь. Снаружи раздались выстрелы. Дверь снова распахнулась.

– Помощь нужна, – негромко, по-деловому обратился к собравшимся разведчик.

– Что там?

– Слепые собаки. Большая стая. И пара-тройка полтергейстов среди них, похоже, затесалась.

Новый вопрос:

– Как радиация?

– Почти в норме. И пыли нет, можно без респираторов вылезать.

Четверо сталкеров подхватили оружие и последовали за разведчиком. Снаружи раздались сначала разрозненные выстрелы, затем короткие, экономные очереди.

– Последнее время собак все больше становится, – сказал сталкер в разорванном комбинезоне. При этом он даже головы не повернул, но, поскольку рядом никого не было, выходило, что обращался он к Штырю. Или же у него имелась привычка разговаривать с самим собой. – И, что характерно, с каждым выбросом собаки все злее становятся.

Поддерживать разговор Штырь не собирался. Он внимательно, но в то же время осторожно, так, чтобы не бросалось в глаза, наблюдал за Доктором.

Болотный Доктор сидел за столом, слегка ссутулившись, втянув голову в плечи, и не спеша ел приготовленное специально для него блюдо. Время от времени он клал вилку на край тарелки и делал глоток чая, после чего аккуратно промокал губы бумажной салфеткой. Он не обращал внимания на то, что происходило вокруг, потому что в этом для него не было ничего нового. Он знал каждого из собравшихся в баре сталкеров, если не по имени, то хотя бы в лицо. Еще лучше ему были знакомы шрамы, многие из которых скрывали бывшие раны, которые он залатал собственными руками. Как истинному мастеру, что-то ему хотелось поправить, а то и вовсе убрать. Но при взгляде на тех, кем ему пришлось заниматься уже после того, как Крыс достал ему отличный японский набор инструментов для лицевой пластики, Доктор испытывал законную гордость.

Стрельба на улице прекратилась.

– Чисто, – сказал один из вернувшихся в бар сталкеров.

Гости начали потихоньку собираться и по одному, по двое, редко втроем, покидать гостеприимный подвал. Некоторые, перед тем как уйти, заглядывали ненадолго в подсобку Крыса.

Двое сталкеров подошли к Доктору. Оба в очень хороших защитных комбинезонах, с новой, но добротной амуницией. У одного в руках винтовка «F2005» с компьютерным прицелом и подствольным гранатометом, бельгийского производства, у другого «кольт-коммандо» с телескопическим прикладом на плече, – по всему видно, не первый год Зону топчут. Один сел на стул рядом с Доктором, другой остался стоять. Разговора Штырь не слышал, но, судя по всему, Доктор и сталкеры были старыми друзьями.

Оттянув рукав комбинезона, Штырь то и дело поглядывал на ПДА, переключенный в режим детекции других ПДА в радиусе сорока метров. Определив ПДА Доктора, Штырь отметил его контрольным крестиком. План действий до конца еще не созрел, но в общем виде ситуация была предельно ясна. Право же, Штырь не считал себя умнее всех. Но, в отличие от других, он пришел в Зону не затем, чтобы остаться здесь навсегда. Нет, Зона для таких, как Борода и Бычок. Или вон для того, в драном комбинезоне. Что было у них до Зоны? Скорее всего, ничего. Не жизнь, а жалкое существование. Такое же, как и у многих других, уверенных в том, что жизнь сводится к ежедневной борьбе за выживание. За пределами Зоны им приходилось бороться с невидимым противником, имя которому Государственная Система. Странная

это борьба, похожая на бой с собственной тенью. Или на борьбу нанайских мальчиков. Поединок, исход которого предрешен заранее, потому что противник не только сам устанавливает правила, но еще и может менять их по ходу боя. Но все это осталось там, за линией колючей проволоки. Здесь же, в Зоне, каждый точно знал, на кого направить оружие и когда нажать на спусковой крючок. По сути, здесь продолжается тот же поединок, только без явного перевеса в ту или иную сторону. Здесь каждый может чувствовать себя если не хозяином жизни, то уж точно властелином собственной судьбы. До тех пор, пока какая-нибудь местная тварь не оторвет тебе башку. Пока не влезешь в какую-нибудь липкую грязь, которая растворит тебя, как кислота. Пока не пристрелит тебя притаившийся в засаде военный сталкер, который за каждый ПДА, снятый с убитого, премиальные получает. Пока не подцепишь какую-нибудь местную заразу, от которой даже Болотный Доктор не спасет... Интересно, проводил ли кто статистику, какова средняя продолжительность жизни сталкера?

Штырь еще до того, как попал в Зону, понял, что главная опасность здесь – это не прозрачный очаг, который ни один детектор аномалий не обнаружит, не излом, прикидывающийся заблудившимся путником, хотя сам только и ждет, как бы проломить тебе грудь одним ударом гипертрофированной конечности, и даже не преждевременный выброс аномальной энергии из центра бывшей Чернобыльской АЭС. Главная опасность Зоны, которую мало кто понимает и еще меньше кто чувствует, заключается в том, что Зона притягивает к себе сталкеров, как рулетка азартных игроков. Потому что такая у них, у игроков, натура. Вот, казалось бы, закрутилась рулетка и упал шарик на число, о котором никто, кроме тебя, даже и не подумал. Выигрыш такой, что не верится. Все, сбылась мечта всей твоей жизни! Нужно забирать деньги и уходить, ясно ведь, что второй раз такой удачи быть не может. Ан нет, все равно тянется рука игрока к фишкам, чтобы новую ставку сделать. И ведь понимает, гад, что ведет себя, как дурак распоследний, а все одно ничего поделаться с собой не может!

Штырь не такой. Он не станет кидать кости до тех пор, пока судьба будет класть их в его раскрытую ладонь, в пустой надежде, что новый бросок непременно окажется лучше предыдущего. Нет, Штырь знает, что нужно вовремя сказать себе «стоп». А если окрик не поможет, то нужно врезать себе по зубам так, чтобы искры из глаз полетели и мозги на место встали. И это не поможет – палец к черту отрубить! Начать с мизинца. Без пальца можно жить, без головы – нет. Штырь с детства знал сказку про Иванушку-дурачка и давно уже понял, что лучше и не пытаться поймать жар-птицу за хвост. Даже если поначалу не погоришь, то потом тебе за это все равно либо голову отрубят, либо в кипяток кинут. Штырю нужен был не алмаз «Кохинур», который, прежде чем продать, нужно на части расколоть, а обычная кредитная карточка, которую примет любой банкомат.

Да, как и все, Штырь пришел в Зону для того, чтобы разжиться деньгами. Но тратить их он собирался за ее пределами. Не считая еды и боеприпасов, деньги в Зоне можно потратить только на приобретение более совершенного оружия, более новой амуниции и более качественного оборудования, чтобы потом, используя весь этот апгрейд, снова отправиться зарабатывать деньги, которые неизбежно пойдут на новые гаджеты и страшно дорогие имплантанты, превращающие человека в подобие киборга, потому что сталкер-киборг пролезет в такие места, к которым обычный человек даже приблизиться не рискнет, и вытащит, между прочим, оттуда столько барахла, что сможет при случае прикупить у ученых экспериментальный пси-стабилизатор, чтобы забраться с ним еще глубже в Зону... Конец этому процессу может положить только смерть. Хотя, если верить историям о Вечном Сталкере, выходит, что и смерть еще не предел.

Сталкер, сидевший на стуле рядом с Доктором, достал из рюкзака небольшой предмет золотистого цвета, по форме – почти правильный тетраэдр. Доктор взял его в руки, осмотрел внимательно, что-то сказал негромко и дважды при этом кивнул. Сталкер улыбнулся, положил руку Доктору на плечо и что-то сказал в ответ. Внимательно прислушивавшийся Штырь смог

понять только одно слово: «разберемся». Доктор положил артефакт рядом со своей тарелкой, на которой еще оставалась недоеденная картошка. Сталкер поднялся на ноги, кивнул на прощание и вместе с напарником вышел из бара.

– Чего сидишь-то? – окликнул Штыря сталкер в рваном комбинезоне.

– Тебе что за дело? – недовольно буркнул в ответ Штырь.

– Ну, я на Росток собираюсь... – Сталкер неуверенно переступил с ноги на ногу, переложил из одной руки в другую выдавший виды «АКМ». – Может, за компанию?..

– Нет, – мотнул головой Штырь. – У меня свои дела.

– Ну, как знаешь. – Сталкер еще раз переложил автомат из руки в руку и двинулся к выходу.

Комбинезон на спине суровой ниткой зашит, рюкзак полупустой, подсумок с противогазом плоский, затертый, автомат так вообще давно выбросить пора. По всему видно, в одиночку ему до Ростка не добраться. А ежели и дойдет, то назад уж точно не вернется. И ведь сам об этом знает, а все равно идет. Надеется на что? Или ему уже просто на все наплевать? Абсолютно на все, включая собственную жизнь?

Нет, до такого состояния Штырь точно не желал доходить.

Подчистив тарелку, Доктор отодвинул ее к центру стола, чай допил, по сторонам посмотрел, будто хотел узнать, много ли народу осталось в баре.

На секунду взгляды Доктора и Штыря пересеклись. Штырь тут же отвел взгляд в сторону, но успел почувствовать что-то такое, от чего затылок похолодел, будто к нему острие шила приставили. А почему? Штырь прикрыл глаза и сосредоточился, стараясь вспомнить взгляд Доктора.

Так... Глаза серые, водянистые... Правый, кажется, немного косит... Интересно, как он целится?... Так...

И вдруг Штырь понял, в чем тут дело. Такой взгляд, как у Доктора, мог принадлежать только абсолютно сумасшедшему человеку! В нем сквозила мысль, но такая, которую не может понять посторонний. Мысль, скрученная в клубок и несколько раз туго перетянутая шпагатом. Где там начало, где конец? Кто упаковщик?..

Штырь осторожно повернул голову и посмотрел на того, о ком думал.

Доктор сидел, откинувшись на спинку стула и переплетя руки на груди. Лицо Доктора, которое Штырь видел сейчас в профиль, было сосредоточено, правая бровь чуть приподнята, а взгляд устремлен в центр грязной тарелки на столе. Черт возьми, подумал Штырь, неужели же никто, кроме него, не видит, что Док совершенно безумен? Да нет же, не может такого быть! Одно из двух: либо безумие Доктора не коснулось тех областей мозга, где хранятся медицинские знания, либо в Зоне просто нет другого врача.

Чем дольше наблюдал Штырь за Доктором, тем яснее становился ответ на вопрос, который он сформулировал полчаса назад: он нашел то, что ему было нужно. И для этого ему даже на Милитари лезть не пришлось. Ну, разве не молодец? Конечно, молодец! Не то что здешние уроды.

Штырь воодушевленно провел ладонью по колючему подбородку. Он еще не отвык бриться с горячей, чистой водой, а потому начал подумывать, не отпустить ли бороду. Уж лучше борода, чем раздражение от грязной бритвы. Но сегодня он побреется. Непременно побреется. Сегодня особый день. Кто знает, возможно, спустя какое-то время, когда его самого в Зоне уже не будет, о нем тоже станут рассказывать легенды.

Штырь еще раз окинул взглядом зал. В баре оставалось всего-то пять человек. Чего они ждали? Да кто ж их знает! Может быть, задания от Крыса. Хотя с такой же степенью вероятности можно было предположить, что задержавшимся в баре сталкерам просто некуда, да и незачем идти. Вот они и сидят, просаживают последние деньги на пиво. Болотный Доктор по-прежнему сидел на стуле, вперив неподвижный взгляд в тарелку, только теперь ладони его

рук лежали на краю стола. Медитировал он, что ли? Как бы там ни было, уходить он пока не собирался.

Штырь поднялся со стула, подхватил левой рукой рюкзак, – еды при экономном расходовании на неделю хватит, – на сгиб локтевой кинул пыльник, старательно выбитый перед входом в бар, правой рукой взял за ствол автомат. Пройдя вдоль стойки, Штырь миновал дверь подсобки, в которой прятался Крыс, и, свернув направо, оказался в узком коридоре. Под ноги бросилась здоровенная, очень энергичная крыса. Штырь хотел с размаха наподдать ее носком ботинка, но промахнулся. Крыса не пискнула, а прошипела злобно, шарахнулась в сторону и исчезла, точно растворилась в воздухе. Штырь плюнул на то место, где исчезла крыса, и толкнул дверцу, ведущую в туалет.

Белая кафельная плитка на стенах местами обсыпалась. Пол усеян крупной, мокрой стружкой и крысиным дерьмом. Из трех унитазов один разбит. Зато обе раковины на месте.

Штырь повернул вентиль, и из крана потекла тоненькая струйка прозрачной воды. Довольно улыбнувшись, Штырь повесил рюкзак и автомат на специально для этого прибитый к стене крюк. Сверху кинул пыльник. Достав из кармашка рюкзака небольшое зеркальце в плотной пластиковой обложке, Штырь аккуратно пристроил его на сколе плитки. Чуть присев, можно было увидеть свою заросшую щетиной физиономию. Следом из рюкзака появились мыло в пластмассовой мыльнице и бритвенный станок со сменными лезвиями.

Когда свежесбрившийся и чрезвычайно довольный собой Штырь вернулся в общий зал, Доктор уже собирался уходить. Надев пыльник, он пристраивал на лбу большие мотоциклетные очки. Ему мешала небольшая круглая шапочка, похожая на тубетейку, – Доктор почему-то упорно не желал ее снимать. Винтовка Доктора лежала на столе, а на полу возле стены стоял туго набитый рюкзак. Прикинув на глаз объем рюкзака и мысленно пересчитав то, что в нем было уложено – консервы, медикаменты, боеприпасы, наверняка еще что-нибудь, из спецзаказа Доктора, о котором говорил Борода, – Штырь едва удержался, чтобы не прикусить губу. Один такой рюкзачок в Зоне стоил целое состояние. И что же, Доктор рискнет нести его один, без сопровождения?

Штырь подошел к ближайшему столику, положил на него свои вещи, раскрыл рюкзак и сделал вид, будто что-то там перекладывает. Он был готов к тому, чтобы последовать за Доктором, как только тот выйдет из бара.

Доктору наконец удалось удобно пристроить очки на лбу. Довольный собой, он поправил на голове круглую шапочку и накинул поверх нее капюшон пыльника. С удивительной легкостью Доктор поднял рюкзак, установил его на столе и, повернувшись спиной, продел в лямки руки. Выпрямившись, он подвигал плечами, равномерно распределяя груз на спине.

– Будьте здоровы, – сказал он, обращаясь одновременно ко всем присутствующим, и, махнув рукой, распахнул входную дверь.

Штырь быстро отдернул рукав и глянул на ПДА.

Входная дверь захлопнулась.

Сигнал от ПДА Доктора был четкий. Можно подождать минут семь, – за это время Доктор доберется до границы уверенного приема сигнала, – и тогда уже последовать за ним.

Штырь ждал, нетерпеливо перебирая пальцами разлохматившийся конец лямки рюкзака. Пять минут.

Штырь рывком затянул шнурки на горловине рюкзака, накрыл сверху клапаном, вставил ремешки в держатели. Надел пыльник, затянул ремень под подкладкой, дернул «молнию», поверх нее застегнул три большие пуговицы, удерживающие широкие борта, далеко заходящие один на другой. Накинул на голову капюшон. Теперь только перчатки остались. Все, он готов.

– Уходить собрался? – Штырь вздрогнул от неожиданности, когда на плечо ему легла чья-то рука. – А что же ко мне не заглянул?

Суть твою! Это был Крыс. Подкрался сзади, как невидимка...

– У меня есть работа, как раз для такого, как ты. Бывалый сталкер за нее не возьмется, а тебе и денег подзаработать надо, и опыта поднабраться.

– Спасибо, не нужно, – недовольно буркнул Штырь.

Он собрался было сунуть руку в лямку рюкзака, но Крыс схватил его за предплечье. И хватка у бармена, надо сказать, была на удивление крепкой.

– В чем дело? – недовольно посмотрел в маленькие глазки Крыса сталкер. – Я за свое пиво заплатил.

– Парень, ты первый раз у меня в баре, – Крыс улыбнулся, показав два узких резца. – А ведешь себя, как не всякий завсегдатай себе позволит.

– Я тебя чем-то обидел?

– Ты не хочешь со мной поговорить.

– У меня нет времени.

Штырь мягко, но решительно высвободил руку и снова взялся за рюкзак.

Крыс сделал шаг назад и сложил руки на груди.

– Все равно ты ко мне придешь, – процедил он сквозь зубы. – Только имей в виду, тогда расценки станут другими.

– Посмотрим. – Штырь закинул рюкзак на спину и повернулся к двери.

– А куда ты денешься, – в спину ему прошипел Крыс.

Штырь ничего не ответил, но демонстративно хлопнул дверью.

Похоже, теперь вход в бар «Сталкер» ему заказан. На поклон к Крысу он идти не соби-
рался. А без этого...

Ну и черт с ними со всеми, подумал Штырь. Пусть устанавливают здесь свои законы, не для меня они. Всего дел-то – взять барахло, оттащить ближайшему торговцу и свалить, пока шум не поднялся. Если все пройдет нормально, то через месяц, глядишь, в Крыму на берегу морском загорать буду. Ох, славненько...

Крыс задержал Штыря всего на несколько минут, но за это время Доктор покинул контролируемую ПДА зону. Если он шел к себе, на Верхние Болота, то двигался в северном направлении. Жаба показывал Штырю карту Зоны, нарисованную кем-то от руки и размноженную на ксероксе. Очень приблизительная, надо сказать, карта. Но, если верить ей, для того, чтобы добраться до Верхних Болот, нужно миновать Мертвый город, выйти к озеру Янтарь, обойти его левым берегом, ну а там уже и до болота рукой подать. Н-да, интересно, сколько дней займет такой переход. Два? Три? Железное правило – в расчетах всегда исходи из наихудшего варианта, чтобы потом не расстраиваться.

Штырь поднялся по ступенькам и ногой распахнул ведущую на улицу дверь. Проезжая часть, которой уже много лет никто не пользовался, была завалена трупами слепых собак. Штук двадцать, не меньше. В одиночку от такой стаи не отобьешься. Черт их разберет, что за органы чувств развились у этих тварей взамен утраченного зрения, только в пространстве слепые собаки ориентировались лучше любого зрячего. Возле дальнего трупа собаки уже пристроилась уродливая псевдоовца. Меланхолично пережевывая вырванный из трупа кусок мяса, она косилась на человека единственным глазом. Тварь трусливая, бежит от одного звука выстрела, но лучше не позволять ей зайти со спины.

Перешагивая через мертвых собак, Штырь вышел на улочку, тянущуюся в нужном ему направлении. Асфальт под ногами весь в разломах, из которых не трава даже, а тонкие молодые деревца торчат. Пройдет еще лет двадцать, и лес поднимется на развалинах города. А пока по обочинам дороги, там, где прежде были газоны, разрастались заросли кустарника, похожего на клубки колючей проволоки. Говорят, кустарник этот пытались выращивать вне Зоны – лучшей живой изгороди не сыщешь. Да только не вышло ничего – дохнет, зараза, без радиации.

Штырь пришел в Зону две недели назад. За блокпостом конец лета, тепло еще, а здесь будто осень поздняя. Небо хмурое, только изредка промеж туч солнце проглядывает. Кажется,

вот-вот дождь польет. Деревья со стволами перекореженными словно голые стоят, – все из-за того, что листва на них мелкая, бурого цвета. Да и трава кажется вялой, хотя, если сорвешь стебель, сок желтоватый из него так и капает.

Местные говорят, что в Зоне не происходит смен времен года. Просто вдруг ни с того ни с сего может снег или град пойти. А через пару часов солнце выглянет и снега словно и не было.

Штырь уже минут десять шел быстрым шагом, время от времени поглядывая на ПДА. Сигнала от ПДА Доктора не было. Странное дело, не мог же этот полоумный старик со своим здоровенным рюкзаком уйти так далеко вперед? Или он выбрал другой путь? Нужно было срочно решать, что делать: либо продолжать двигаться в выбранном направлении, либо начинать рыскать по сторонам. Подумав, Штырь решил добраться до окраины городка. Там дорога на север одна. Ежели окажется, что Доктор все же решил идти другим путем, можно будет двинуться напрямик к болотам, чтобы там, возле дома, дожидаться Доктора. Ну, прямо как в сказке про Красную Шапочку и Серого Волка, усмехнулся Штырь и с шага перешел на бег трусцой. Все бы ничего, да только местность была ему незнакома, а потому надежнее, да и безопаснее тоже было бы идти следом за Доктором. А может быть, и вовсе в попутчики ему набиться?

Взгляд отметил на обочине желтый неровный комок, похожий на серу, – артефакт, по местной номенклатуре именуемый «шмоток». Торговцы за него дают, в зависимости от настроения, два-три рубля – цена батарейки к фонарику. Штырь с разбегу пнул шмоток носком ботинка – пусть ерунду всякую неудачники собирают. Желтый комок отлетел в сторону, сжался и выбросил несколько бледно-голубых искорок.

Ближе к окраине Штырь сошел с дороги. Заметив пролом в кустах – псевдогигант продирался или полтергейст пошалил, – он переместился ближе к развалинам домов. Доктора по-прежнему не было видно. Не мог, ну никак не мог он так далеко уйти. Выходит, пошел другой дорогой. У Штыря не то чтобы недоброе предчувствие появилось, скорее раздражение. Ему не нравилось, когда с самого начала все шло не так, как он задумывал. Но тут уж, как говорится, нравится не нравится, а дело делать надо. Да и альтернатива в принципе до безобразия простая – либо одним махом решить все свои проблемы, либо осесть в Зоне на неопределенный срок. И неизвестно еще, кто этот срок определит: ты сам, военный сталкер, кровосос голодный или же Зона, охочая до человечешек.

Штырь присел на корточки, привалился рюкзаком к стене, автомат положил на колени. Время – чуть больше полудня. К ночи до Янтарного не дойдешь. Значит, нужно заблаговременно найти место для ночевки. У Доктора, если он постоянно ходит этим путем, должно быть, имеется свой схрон. Куда же он, суть твою, запропастился!

И тут завибрировал ПДА – звуковой режим оповещения Штырь еще в баре отключил. Сталкер суетливо отдернул рукав пыльника. На экране горел контрольный крестик, отмечающий местоположение Болотного Доктора. И, если верить прибору, тот находился всего в двадцати метрах от Штыря. И не впереди, а сзади. Не разобравшись еще, что сие может означать, Штырь упал на живот и быстро-быстро отполз за кучу бетонных блоков, из которых некогда было сложено широкое крыльцо какого-то служебного здания. Перевернувшись на бок, он снова посмотрел на ПДА. Доктор двигался в его сторону.

Да и черт с ним, пусть бы себе двигался! Но когда Доктор приблизился к месту, где затаился Штырь, сработал детектор жизненных форм. С Доктором шел кто-то еще! Но это был не сталкер – у него не было ПДА.

Штырь затравленно глянул по сторонам. Что делать?

Принимая во внимание то, что у Доктора с головой не все в порядке, можно было надеяться на то, что он не удосужился поставить ПДА в режим непрерывного информирования, а следовательно, еще не знал о присутствии Штыря. Но через несколько шагов Доктор и тот, кто шел вместе с ним, увидят прижавшегося к земле сталкера. И тогда ему придется давать объяснения. Или стрелять... Но что за компанию нашел себе Доктор?

У самой земли находилось узкое оконце полуподвального этажа, присыпанное керамзитом. Штырь толкнул кучу ногой, и камешки с тихим шелестом посыпались вниз. Изогнувшись, Штырь стащил со спины рюкзак и кинул его в окно.

– Все в этой жизни не так плохо, как может показаться на первый взгляд. Огромное значение имеет то, с какой точки зрения посмотреть на то или иное событие...

Голос Доктора – черт бы побрал этого сумасшедшего! – прозвучал совсем рядом. Штырь глянул в черную дыру, в которую полетел рюкзак. Вот когда он понял, что зря пожалел деньги на детектор аномалий, который предлагал ему один из сталкеров в баре. И дешево ведь предлагал. Приборчик, правда, старенький, чиненый-перечиненый, корпус изоляцией замотан, но ведь работал же. Штырь сам проверил – работает! Да что там аномалии, в подвале заброшенного здания могли прятаться любые твари, начиная с полчищ мутировавших крыс и заканчивая тем, о чем даже думать не хотелось.

Времени на раздумья не оставалось. Штырь выругался беззвучно и ногами вперед, стараясь не шуметь, пополз в темный оконный проем.

– ...Видишь ли, друг мой, недеяние не есть небытие. Хотя многие придерживаются прямо противоположного мнения...

Штырь упал на что-то мягкое и затих.

– ...Степень невключенности разумного существа в так называемую общественную жизнь определяет...

То, на чем он лежал, было слегка влажным и на ощупь имело волокнистую структуру. Что это могло быть, Штырь предпочитал не думать.

– ...Именно поэтому я утверждаю, что вовсе не зазорно именоваться асоциальным элементом. Не общество отвергло меня – я отверг общество, которому оказался не нужен...

Говорил все время один только Доктор. Спутник же его, по всей видимости, внимательно прислушивался к словам учителя.

Только когда голос Доктора сделался едва слышным, Штырь поднялся на ноги и включил фонарик. Скользнувший по сторонам луч выхватил из темноты фрагменты кирпичной кладки с обсыпавшейся штукатуркой, лестницу без перил, ведущую наверх, лужу на полу. Убедившись, что в настоящий момент никто не собирается броситься на него из темноты, Штырь посветил себе под ноги.

В первый момент ему показалось, что он стоит на куче обтирочных концов, и он даже порадовался, что так удачно приземлился. Но, присмотревшись, Штырь заметил, что вся эта груда находится в медленном, безостановочном движении. Толстые червеобразные отростки сплетались, снова расплетались, вытягивались вверх, как будто ими двигала самая что ни на есть насущная необходимость осваивания и захвата нового жизненного пространства. Ноги Штыря были уже по щиколотки погружены в эту странную шевелящуюся массу, а черви скользили по коже высоких ботинок, пытаясь забраться на штаны. Рюкзака так и вовсе уже почти не было видно из-за опутавших его отростков.

Что это было, растение или живое существо? Штырю пока еще не доводилось встречаться ни с чем подобным. Да и сталкеры в баре ни о чем таком не рассказывали. Разбиться было некогда. Да и желания такого, честно говоря, у Штыря не возникало. Выхватив широкий охотничий нож – из дома прихватил, отцов подарочек, – Штырь наотмашь рубанул несколько раз шевелящиеся отростки. Брызнула желтоватая, дурно пахнущая влага. Схватив рюкзак за лямки, Штырь рванул его что было сил. Он ожидал встретить сопротивление, но рюкзак подался настолько легко, что Штырь едва устоял на ногах. Для этого ему пришлось сделать два шага назад. На ногах повисло несколько синеватых отростков, которые Штырю пришлось счистить ножом.

Кинув рюкзак на плечо, Штырь бросился было к лестнице, чтобы выбраться поскорее на улицу, – а то ведь, не ровен час, снова потеряется Доктор. Найдет еще какого-нибудь собеседника, заболтается да и исчезнет с дисплея ПДА. Но что-то насторожило его.

Что-то было не так.

Что-то вселяло чувство неопределенной пока еще тревоги.

Следом за лучом фонаря Штырь медленно обвел взглядом помещение. И тут он понял, что его насторожило. Вода в луже! Она была абсолютно неподвижной, блестящей и ровной, как зеркальная поверхность. Штырь наклонился, подцепил острием ножа шевелящийся отросток и кинул его в лужу. Вода – или что это было? – взметнулась вверх, превратилась в подобие воронки, которая мгновенно засосала в себя отросток, дернулась из стороны в сторону, как будто в ожидании новой жертвы, и медленно, понемногу затихая, опустилась вниз, снова заняв позицию терпеливого ожидания.

Суть твою...

Зубами сдернув с руки перчатку, Штырь провел ладонью по внезапно покрывшемуся испариной лбу. Он впервые видел тупого глотателя, но слышал о нем еще от безымянного торговца, у которого по сходной цене приобрел амуницию, автомат и две коробки патронов к нему.

Если залезешь на ночевку в развалины какого-нибудь дома, говорил торговец, в первую очередь убедись, что поблизости нет выводка мутировавших крыс. Во вторую – удостоверься, что рядом не притаился тупой глотатель. Тварь, как ясно из названия, тупая, к тому же мало-подвижная, но если попадешься ей, молись, чтобы это была взрослая особь. Взрослый тебя разом заглотит, а молодой ухватит за ногу и станет потихоньку переваривать твою плоть. Убить тупого глотателя почти невозможно. Если только из огнемета сжечь. Говорят, еще жидкий азот помогает. Но какой же нормальный сталкер станет дьюар с жидким азотом с собой таскать? Так что, ежели попадешься тупому глотателю, лучше сразу пулю в лоб.

Чуть было не попался. Штырь снова натянул перчатку на руку и бочком, бочком, вдоль стенок, внимательно глядя под ноги, дошел до лестницы.

Взбежав по ступенькам, он оказался перед выбитой дверью и, ухватившись обеими руками за косяк, осторожно выглянул на улицу. В конце дороги маячили две фигуры. Болотный Доктор шел легко, помахивая палкой, словно тростью. Второй, тащивший рюкзак Доктора, тоже от него не отставал, но спина у него была согнута так, что головы не видно, а походка косолапая, как у дрессированного медведя.

Штырь озадаченно потер пальцем гладко выбритую щеку. Это где же Доктор попутчика прихватил?.. Впрочем, какая разница. Придется вести эту пару до тех пор, пока они не разойдутся. И нужно быть при этом осторожным вдвойне.

Пригнувшись, Штырь перебежал на другую сторону улицы и присел там на корточки. Нужно выждать минут семь-восемь, пока Доктор и его спутник не спустятся в ложбину у ручья. Тогда можно будет двигаться дальше.

У попутчика Доктора нет ПДА, выходит, он не сталкер. Кто же тогда? Военные сталкеры в одиночку по Зоне не гуляют. Их высаживают с вертолетов в точке проведения операции, а потом так же забирают. Торговцы своих нор почти никогда не покидают, обмен товаров ведут через посредников. Для того чтобы торговец сорвался с места, ему в руки должно попасть нечто такое, что он даже своей тени не доверит. Тогда, может быть, ученый? От этих яйцеголовых всего можно ожидать. Да и лагерь их, что на Янтаре, недалеко отсюда, всего-то день пути. Но если человек находился где-то неподалеку, почему не зашел в бар «Сталкер», чтобы переждать выброс? По дороге Штырь видел только одно место, где можно было отсидеться во время выброса: поперек бывшего тротуара, врезавшись в стену дома, стоял бронетранспортер. Старый, весь в ржавчине, брошенный военными, должно быть, еще после первого взрыва на

АЭС. Кстати, армейская броня и сигнал ПДА Доктора могла заглушить, если он забирался в бронетранспортер. Но все равно странно.

Штырь приподнялся, вытянул шею и посмотрел в сторону окраины. Доктора и его спутника видно не было. Зажав автомат под мышкой, Штырь трусцой побежал за ними.

Вскоре асфальт кончился, уступив место старой грунтовой дороге, от которой почти ничего не осталось, только две канавы по обочинам, заросшие широколистой осокой. Штырь сам не проверял, но слышал, что такая осока режет не хуже бритвы. Даже рукав пыльника может распороть. Так что лучше в эту траву не лезть. А уж если приспичит, то ступать следует осторожно, притаптывая стебли.

Снова запищал датчик, настроенный на ПДА Доктора. Штырь притаился за деревом. Доктор и его косолапый спутник не спеша поднимались на холм по другую сторону ручья. Доктор то и дело взмахивал палкой, сбивая липкую росу с веток кустов, мимо которых проходил. Спутнику же его, похоже, не было никакого дела до ядовитых капель, способных проникнуть в организм через кожу и вызвать трехдневный приступ изнуряющего поноса.

Штырь вытащил из-за пазухи бинокль. Он хотел получше рассмотреть спутника Доктора, чтобы знать, чего от него можно ожидать. Оптический прибор едва слышно пропищал, автоматически наводясь на резкость. Штырь увидел огромный, туго набитый рюкзак, из которого как будто ноги выросли. Причем ноги были босые! А штанина на левой ноге носильщика была по колено оборвана!

То, что видел Штырь, не укладывалось в рамки здравого смысла. Человек, пренебрегающий элементарными правилами безопасности, в Зоне был обречен. А Доктор? Почему он не заставил этого безумца вернуться в бар? Потому что и сам давно с ума сошел?

Штырь нутром чувствовал, что все объяснения, какие он только мог придумать, ничего не стоят. Происходящее находилось за гранью его понимания. А если так, то стоило ли пытаться найти ответ? Так или иначе, это ровным счетом ничего не меняло. В голове уже жил план, требующий реализации. Уж такая была у Штыря натура: если что задумает, так непременно нужно до конца довести. Вернее, так он сам о себе думал. И, естественно, старался соответствовать избранному, а может быть, и придуманному образу. Из всех сил старался. Через это и в Зону попал... А, дурная история, вспоминать не хочется!

Штырь отлепился от дерева. В том месте, где плечо прижималось к стволу, осталась вмятина.

Два часа до темноты. Сейчас главная задача – не потерять Доктора и его трехнутаго спутника до тех пор, пока они не остановятся на ночевку.

Короткими перебежками, стараясь держаться в низине, под прикрытием кустов, Штырь двигался курсом, параллельным тому, что выбрал Доктор. Пока местность была ему знакома – лазал здесь неделю назад. Ничего толкового не нашел, зато уяснил, что и опасаться здесь особенно нечего. Живность после выброса еще не успела откочевать из центрального района Зоны к периферии. Только вороны с истошным карканьем кружили над головой, да однажды псевдоовца вылетела из-за кустов прямо навстречу Штырю. Чуть с ног не сбила. При этом сама едва не до смерти перепугалась. Отшатнулась назад, присела на задние лапы, уставилась на человека единственным глазом – большим, круглым, мокрым. Глупая тварь, но что такое оружие, понимает: стоило только Штырю чуть приподнять ствол автомата, как псевдоовца, ломая кусты и всхрапывая, кинулась прочь.

Ловушки были видны замечательно, как на стенде. Вокруг гравитационной ямы – трупики ворон, в нее угодивших. Черные молнии выдавали себя статическими зарядами, то и дело пробегавшими по периметру аномалии. День-два после выброса вновь образовавшиеся черные молнии хорошо заметны. Вот когда статические заряды в землю стекут, тогда с ними настоящие проблемы и начнутся. Сквозь неплотный пучок черных молний даже болт может пролететь, и – ничего. А руку сунешь – и нет руки. Время от времени пощелкивал счетчик Гейгера,

предупреждая о свежих радиационных очагах. По счастью, было их немного и располагались они так, что не возникало необходимости сильно отклоняться от основного направления.

Артефакты Штырь не собирал, хотя встречались они в немалом количестве, – видно, в эту сторону не один из покинувших бар сталкеров еще не забредал. В основном это была мелочь, с которой и возиться-то не стоило. Во всяком случае, не в той ситуации, какую нарисовал для себя Штырь. Сейчас он, как опытный грибник, забирался все глубже в лес, где росли настоящие грибы, белые да маслята, а сыроежки оставлял любителям.

Один только раз Штырь наклонился, чтобы подобрать пучок красной пакли. От бывалых сталкеров Штырь слышал, что красная пакля здорово кровотечение останавливает. Хотя кто ее на самом-то деле знает, останавливает или нет? Может быть, такой же расхожий миф, как и история о Вечном сталкере.

Глава 3

Доктор и его странный спутник место для ночлега не искали. Они точно знали, куда идут, и, как только пришли, остановились. В самом деле, почему не заночевать в яме, оставшейся на месте с корнем вывернутого из земли огромного дерева, при жизни похожего одновременно на дуб и на клен?

Именно так, на дуб и клен одновременно. Казалось бы, что общего у этих двух деревьев? Такой вопрос мог задать только человек, никогда не видевший Зону. Если фауна, подвергшись двойному мутагенному воздействию – радиации и аномальной энергии, – все же как-то сумела приспособиться и ограничить число порожденных Зоной уродливых форм жизни, то с флорой здесь творилось что-то невообразимое. Едва ли не после каждого выброса появлялись новые виды растений, а те, что были прежде, порой претерпевали дичайшую трансформацию. Для ботаников – раздолье. Для сталкеров – сущий кошмар. Никогда не знаешь, чего можно ожидать от нового вида растения. То, что оно ядовитым оказаться может, это все ерунда – никому не придет в голову есть то, что родится на отравленной земле Зоны. Встречаются растения, выстреливающие струей яда в того, кто его случайно заденет. Встречаются такие, что режут, точно бритва. Как-то после очередного выброса всю Зону заполонил сорняк, на репей похожий. Своими острыми крючками семена такого «репейника» разве что за стекло зацепиться не могли. А самое отвратное то, что, едва прицепившись к чему, семя начинало прорастать. И происходило это настолько быстро, что, бывало, у сталкера пыльник за день становился на лужайку похожим.

Но нет ничего опаснее плотоядных растений. Их ведь и не распознаешь с первого взгляда. Вроде бы стоит себе куст как куст. Но, не дай бог, придет кому в голову посмотреть, что там у него промеж корней блестит... Кто-то из сталкеров, Удод, кажется, рассказывал, что видел такой куст, а среди веток у него сразу три скелета. И все три – человеческие. Хотя, конечно, Удод соврет – недорого возьмет. Один скелет – это еще куда ни шло. А сразу три... Ну кому, скажите на милость, придет в голову лезть в кусты, если среди веток уже белеют кости одного, а то и двух мертвецов?

Могучие корни упавшего дерева возносились вверх, похожие на врата, ведущие в таинственный волшебный мир. Или – в загробный... По сути, ведь никакой разницы. Тот, что тащил рюкзак Доктора, скинул ношу на землю и первым прыгнул в яму у корней. Им уже доводилось ночевать в этой яме раза три или четыре. Спутник Доктора даже потрудился вырыть меж оставшихся в земле корней неглубокую нору, чтобы было куда спрятаться, если дождь польет. Но убежище нуждалось в ревизии. Кто знает, что за твари могли в нем обосноваться. Причем обосноваться так прочно, что за место, им не принадлежащее, с ними еще побороться придется.

Присев на корточки на краю ямы, Доктор наблюдал за действиями своего спутника. Мимо него пролетела и шлепнулась на землю здоровенная крыса со сломанным хребтом. Следом за ней – еще одна. Посмотрев на третью выброшенную из ямы гадину размером с откормленного сибирского кота, точно броненосец, покрытую крупной роговой чешуей и с длинным голым крысиным хвостом – такого ему еще видеть не доводилось, – Доктор вытянул из-за пояса широкий охотничий нож с тяжелой роговой ручкой.

– Возьми нож, Бенито, – Доктор вытянул руку и разжал пальцы.

Нож упал в яму, из которой тотчас же донеслось сдавленное рычание. Доктор благосклонно улыбнулся. Ему нравился Бенито, и он рад был сделать другу приятное.

Штырь, наблюдавший за парочкой с расстояния в полторы сотни метров, снова не успел как следует разглядеть спутника Доктора. Но голова у Доктора носильщика была непокрыта, это он точно видел. Непокрытая голова, босые ноги – все это не граничило с безумием, а выхо-

дило за его рамки. Есть десятка два более простых и менее болезненных способов свести счеты с жизнью. Недоумение затуманило светлое некогда чело Штыря. Спутник Доктора оставался загадкой, которую он не в силах был расколоть. Это ему не нравилось, и в этом он был прав.

Более опытный сталкер, окажись он на месте Штыря, давно бы уже догадался, что за спутника нашел себе Доктор. Хотя далеко не каждый решился бы отправиться с таким спутником в путешествие. И уж точно никто, ни единая живая душа в Зоне, за исключением Болотного Доктора, не согласился бы провести с ним ночь в одной яме.

Бенито вылез из ямы. Нож был у него в зубах, а вокруг шеи, на манер боа, была намотана здоровенная змеюка с туловищем толщиной в предплечье старательного культуриста.

– Что за гадость! – поморщился Доктор. – Выброси ее немедленно, Бенито!

– Кушать буду, – Бенито перехватил нож рукой и оскалился в улыбке. – Мясо вкусное. Жир сладкий.

– Нет, нет и нет, – решительно заявил доктор.

Подойдя к Бенито, он снял с его шеи змею и зашвырнул ее далеко в кусты.

Бенито обиженно засопел и рукояткой вперед протянул Доктору нож.

– Так, – Доктор взял нож, сунул за пояс и строго нахмурил брови. – Значит, шпроты мы не хотим?

Глаза Бенито азартно заблестели.

– Хотим, хотим! – быстро закивал он. – Бенито любит шпроты!

– Тогда забудь про змею, – приказал Доктор.

– Все! – решительно взмахнул перед собой рукой Бенито. – Уже забыл!

Доктор улыбнулся. Ах, Бенито, ну прямо как ребенок. Вот только вид несоответствующий.

А вид у Бенито был как у всякого нормального зомби. Глаза без век, высохшие, потрескавшиеся губы, шелушащаяся кожа с фиолетовыми трупными пятнами, местами полопавшаяся, левое ухо висит на подгнившем хряще. Глядя на это ухо, Доктор подумал, что нужно бы лавсановую связку вшить, чтобы вид был приличный.

Зомби, разумеется, до внешнего вида дела нет. Они, даже когда в зеркало смотрятся, себя не узнают. Но два месяца назад Крыс наконец вручил Доктору давно уже заказанный им набор инструментов и материалов для пластической хирургии. При этом Крыс не удержался и пробурчал что-то насчет того, что эти игрушки обошлись ему как грузовик патронов и два ящика пластита. Но Доктор даже не расслышал, что там ворчал Крыс. Ему не терпелось попробовать новые инструменты в деле.

Он давно думал о том, что надо бы научиться удалять те уродливые следы, что оставляет Зона на лицах сталкеров. А то ведь молодые совсем ребята, а лица у всех морщинистые, в шрамах. А у тех, кто под черную молнию или призрачный огонь попал да выжил после этого, лица и вовсе на хэллоуинские маски похожи. Технику пластической хирургии Доктор осваивал, понятное дело, без наставника – по учебникам и видеопособиям, которыми снабдил его тот же Крыс. А вот когда дошло дело до практических занятий, тут-то и пригодились ему знакомые зомби из Припяти. Болевая чувствительность – ноль, и никаких жалоб на то, что нос получился не той длины, что был заказан, или вообще на сторону съехал.

Надо сказать, Доктор старался на совесть. Зомби, он, конечно, зомби и есть, писаного красавца из него не сделаешь. Но даже то, что порой Доктору удавалось сделать мертвяка похожим на живого человека, можно было расценивать как несомненный успех.

Бенито был любимым зомби Доктора. Вот только с прической Бенито Доктору так ничего и не удалось сделать – на голове у зомби осталось лишь несколько жиденьких прядок, похожих на прилипшую к черепу паклю, – зато зубы он ему почти все сохранил. Именно поэтому, в отличие от других зомби возрастом старше трех месяцев, Бенито мог есть мясо, от чего получал колоссальное удовольствие. А вот почему Бенито нравилось мясо, Доктор понять не мог

– в ходе проведенных исследований он убедился, что зомби перестают различать вкус на седьмой-восьмой день после воскрешения. При этом обоняние у них обостряется необыкновенно. И снова непонятно почему – обонятельные луковицы в носу у зомби похожи на иссохшие маковые зернышки.

Что еще можно сказать про внешний вид Бенито? Доктор регулярно снабжал его одеждой. Но поскольку Бенито, как и всякий зомби, понятия не имел, что такое мода, новая одежда на нем очень скоро превращалась в грязные оборванные обноски. Обувь же он просто отказывался надевать. Категорически. Порой у Доктора возникали подозрения, что Бенито сам портит одежду, чтобы не сильно отличаться от прочих зомби, с которыми ему по большей части приходилось общаться. Однако подтверждение своим догадкам он получить не мог.

Что любопытно, вопреки расхожему мнению, зомби не источали зловонный смрад. Если бы их плоть разлагалась так же, как гниет кусок мяса, надолго бы их не хватало. А между тем Доктор встречал живых мертвецов, которые бродили по Зоне три, а то и четыре года. Тот же Бенито без малого два года как поднялся из могилы. И ничего, молодцом держится. Доктор так и не смог разобраться, что за процессы происходят в организме восставших из могил. Зомби не требовалась еда – их желание постоянно что-то жевать было скорее чем-то вроде воспоминания о прошлой жизни. Они не дышали, не чувствовали боли, не нуждались в сне и отдыхе и при этом были фантастически сильны и выносливы. Некротические изменения происходили в их телах крайне медленно, как будто они были законсервированы. Один из ученых с Янтаря в беседе с Доктором высказывал предположение, что феномен зомби в Зоне связан с неким временным парадоксом. Он даже приводил отдельные математические выкладки, которые должны были подтвердить его гипотезу, но Доктор в этом мало что смыслил.

Доктор присел на краю ямы, свесив ноги вниз, и подтянул к себе туго набитый рюкзак. Из бокового кармашка появились банка шпрот, банка гречневой каши с ветчиной, термос с горячим чаем и упаковка шоколадного печенья. Бенито сразу же потянулся за печеньем.

– Сначала шпроты, Бенито, – погрозил ему пальцем Доктор.

По какой-то непонятной причине зомби испытывали болезненное пристрастие к пище, содержащей углеводы. Есть хлеб они могли без остановки. При том, что желудочно-кишечный тракт у оживших мертвецов работал из рук вон плохо, это нередко приводило к исходу, который для человека стал бы летальным. У зомби же длительная закупорка кишечника, возникающая в результате поглощения большого количества углеводной пищи, заканчивалась тем, что животы у несчастных взрывались. Надо сказать, то еще зрелище. Да и вонь соответствующая.

Сорвав контрольный клапан на днище саморазогревающейся банки с кашей, Доктор открыл банку со шпротами. Бенито приподнял голову и, как пес, потянул носом воздух.

– Да, Бенито, хорошие латвийские шпроты, – улыбнулся Доктор и протянул зомби банку.

Бенито двумя пальцами нацелился на копченую рыбку в масле, но, поймав осуждающий взгляд Доктора, опустил руку.

– Чем следует есть рыбу, Бенито?

– Вилкой, – зомби смущенно отвел взгляд в сторону.

– Так в чем же дело?

– У меня нет вилки! – развел руками Бенито.

Снова детская хитрость.

Доктор достал из кармашка рюкзака пластмассовую вилку и протянул ее зомби.

Бенито взял вилку. По его недовольному виду можно было понять, что с гораздо большим удовольствием он подцепил бы скользкую от масла шпротину пальцами. Но спорить с Доктором было бесполезно, и Бенито, обреченно вздохнув, воткнул пластмассовые зубья рыбке в хребет.

Доктор поставил на колено горячую банку с кашей, сорвал с нее крышку и тоже принялся за еду.

Странная это была пара – человек и зомби, мирно сидящие на краю ямы и тщательно выскребающие каждый свою консервную банку.

Откинув в сторону пустую банку, доктор поставил на траву кружку и наполнил ее горячим чаем. Предлагать чай Бенито он не стал – зомби если что и пил, то только воду. Горячие же напитки приводили его в ужас. Даже глядя на то, как Доктор пьет чай, Бенито то и дело вздрагивал, передергивал плечами и мелко тряс головой, не то от страха, не то от омерзения. А вот от печенья он не отказался.

– Что ты сейчас чувствуешь, Бенито? – спросил Доктор, опустив печенину в чай.

– Ничего, – пробормотал зомби с набитым ртом.

Доктор скосил на него лукавый взгляд.

– Так не бывает.

– Бывает, – уверенно кивнул зомби.

Доктор уже не в первый раз заводил подобный разговор с живыми мертвецами – все пытался понять их психологию. Он хотел узнать, как зомби воспринимают окружающий мир и себя в этом мире. Доктору хотелось знать, кто они на самом деле? Люди, побывавшие по ту сторону жизни и каким-то непостижимым образом сумевшие вернуться в свои полуразрушенные тела, или же это был иной, чуждый разум, обретший в Зоне столь странную форму существования? В процессе общения с ожившими мертвецами Доктор убедился в том, что при регулярных занятиях интеллект зомби, на начальной стадии соответствующий уровню развития двухлетнего ребенка, начинает быстро расти. Первым делом у них расширялся словарный запас и закреплялись навыки социализации. Отдельных выдающихся представителей, таких как Бенито, Доктору удалось даже обучить грамоте. Но в отсутствие постоянного давления извне зомби очень быстро теряли интерес к любым занятиям. И тут же включался процесс деградации, протекавший значительно быстрее. За три дня зомби мог легко забыть то, чему его приходилось учить два месяца.

Во всем этом не было никакого смысла. И никто не понимал этого лучше самого Доктора. И если бы кто-то спросил его, чего ради он возится с этим отродьем, Доктор спросил бы в ответ: а что вообще в этой жизни имеет смысл? И, не дождавшись ответа, сам бы и ответил: только сама жизнь.

– Тебе нравится жить?

– Не понимаю. – Покончив со шпротами, Бенито с чувством исполненного долга воткнул вилку в землю и через край выпил оставшееся в банке масло. – О чем ты спрашиваешь?

– Мы живем. – Доктор сделал движение обеими руками, как будто огладил большой невидимый арбуз. – То есть существуем в это мире.

– Ну, – рассеянно кивнул Бенито.

– Ты никогда не задавал себе вопроса, для чего мы здесь?

– Нет, – качнул головой зомби.

– А кто-то из твоих знакомых?

– Нет.

– Тебе это не интересно?

– Я не разговариваю сам с собой.

Указательным пальцем Бенито собрал остававшееся на стенках и доньшке банки масло и сунул палец в рот.

– Не соси палец, Бенито, – недовольно поморщился Доктор.

– Я ем, – ответил зомби.

– Для этого существует вилка.

– Вилкой масло со дна банки не соберешь.

Бенито улыбнулся. Нечасто ему удавалось поддеть Доктора. А сейчас Доктору явно нечего было возразить.

Доктор это понял и решил оставить тему консервной банки.

– Ты сказал, что не разговариваешь сам с собой, – напомнил он Бенито.

– Так, – кивнул зомби. – О чем разговаривать с самим собой? – Он пожал плечами. –

Если я задаю себе вопрос, то уже знаю на него ответ.

– А если я спрошу тебя, Бенито, что ты делаешь в этом мире?

– Я есть.

Бенито еще раз провел пальцем по сухому, блестящему дну банки, облизнул палец и зашвырнул банку в кусты.

– Надо говорить: «Я ем», – поправил Доктор.

– Ты спросил, что я делаю в этом мире.

– Да.

– Я ответил.

Доктор озадаченно нахмурил брови.

– Прости, я, наверное, прослушал твой ответ.

– Я есть, – сказал зомби.

– То есть, – доктор провел открытой ладонью от себя к собеседнику, – ты хочешь сказать, что существуешь?

– Так, – согласился с таким определением Бенито.

– Но для чего? В чем смысл твоего существования?

– А твоего? – задал встречный вопрос зомби.

Доктор задумался.

– Я изучаю Зону, – сказал он, решив, что такой ответ будет наиболее понятен Бенито. – Зону и ее обитателей.

– А когда Зоны не было? – тут же задал новый вопрос зомби. – У тебя не было никакого смысла жизни?

– Он был не так ясно определен, – ответил Доктор.

– Вот и у меня так же, – кивнул зомби.

– Как? – не понял Доктор.

– Ты понял, в чем твой смысл жизни, только после того, как оказался в Зоне. Для того чтобы я понял, в чем смысл моей жизни, мне нужно оказаться вне ее.

Доктор удивленно хмыкнул. Интересная трактовка. Кто бы мог подумать, что зомби способны на столь непростые умозаключения. И ведь не откажешь ему в логике.

– Ну, тогда расскажи мне, о чем ты мечтаешь.

– Мечтаю? – удивленно повторил зомби.

– Ну да, у тебя ведь есть мечты?

– Мечты? – Бенито задумчиво почесал ногтем за ухом, затем так же задумчиво посмотрел на грязный, обломанный ноготь. – Не понимаю.

– О чем ты думал, когда ждал меня сегодня?

– О том, что ты велел мне ждать.

– И все?

Зомби уставился в землю. Может быть, задумался, а может быть, для него это был способ ухода от действительности, которую он не понимал.

– Ты хотел со мной встретиться? – задал наводящий вопрос Доктор.

– Ты велел мне ждать, – повторил зомби, не поднимая взгляд.

– Но ты ведь можешь не делать то, что я тебе говорю. – Со стороны Доктора это была уже откровенная провокация.

Пауза.

– Ты велел мне ждать.

– Почему ты ждал меня?

– Ты велел мне ждать.

Голос Бенито, как и прежде, ровный и невыразительный, но пальцы рук уже скребут землю, – явный признак того, что зомби начинает нервничать. Чем закончится нервный срыв, предсказать почти невозможно. Зомби может упасть на спину и забиться в судорогах, может впасть в каталепсию, может броситься на того, кто находится рядом, и вцепиться зубами в горло.

– Извини, Бенито. – Доктор рукой прижал нервно дергающиеся пальцы зомби к земле. – Я не хочу причинять тебе беспокойство. Мне только нужно понять тебя.

– Я знаю, – сказал зомби. И тут же: – Зачем?

– Мне это интересно.

– Почему?

– Потому что мы с тобой очень разные.

Бенито окинул Доктора оценивающим взглядом.

– Не очень.

– Внешне мы похожи. Но наши организмы функционируют по-разному, у нас разный обмен веществ, мало в чем схожая биохимия. Мы по-разному мыслим.

Нижняя челюсть Бенито съехала в сторону, глаза закатились – зомби задумался.

Доктор ждал.

– Я знаю. – Глаза и челюсть Бенито вернулись в исходное положение. – Я знаю, почему мы по-разному думаем.

– Да? – изобразил удивление Доктор. – Очень интересно.

– Ты думаешь здесь, – указательным пальцем зомби ткнул доктора в висок. – Я думаю...

Бенито поднял согнутые руки до уровня плеч и медленно, плавно, насколько это может сделать зомби с его плохо гнущимися суставами, развел их в стороны.

– Что, Бенито?

– Я думаю... – Ладонь правой руки Бенито положил на грудь. Затем переместил ее на живот. – Я знаю... – Лицо зомби сморщилось так, будто он собирался заплакать. – Я чувствую...

Бенито не хватало слов, чтобы выразить то, что он хотел. И Доктор не мог ему помочь, потому что не понимал и даже не догадывался, что хочет сказать зомби.

– Ладно, Бенито, поговорим об этом в другой раз.

Зомби поднес к лицу Доктора растопыренную пятерню, приказывая замолчать.

– Я думаю не так, – Бенито коснулся пальцем своего виска. – Так, – он еще раз тронул висок пальцем, – думаешь ты. Я думаю вот так, – зомби сделал широкий жест руками, словно желая охватить все, что их окружало, и при этом посмотрел на небо. – Понимаешь?

Доктор озадаченно помял двумя пальцами переносицу.

– Не совсем, Бенито...

– Ты думаешь изнутри, я – снаружи.

Зомби снова повторил свой широкий жест и неожиданно улыбнулся.

– Ты хочешь сказать...

Доктор умолк, не решаясь назвать то, что уже, кажется, понял.

– Ты хочешь вместить сюда, – зомби указал пальцем на голову Доктора, – весь мир. Это очень трудно.

– Это невозможно, – уточнил Доктор.

– Невозможно, – согласился Бенито.

– А ты?..

– Я просто живу, – в третий раз развел руками Бенито. – Я не знаю, откуда ко мне приходят мысли.

– Многие зомби со временем теряют способность разговаривать.

- Люди тоже рождаются немymi.
- Ты встречался с немymi людьми?
- Нет.
- Откуда же ты об этом знаешь?
- Просто знаю. – Бенито посмотрел в сторону заходящего солнца. – Скоро темно будет.
- Ты не ответил на мой вопрос.
- Я не могу на него ответить.

– Ты хочешь сказать, что даже утратившие навык разговорной речи зомби сохраняют способность мыслить?

– Не мыслить, – Бенито сделал отрицательный жест рукой. – Нет. Мыслят здесь, – он показал на голову.

– Ты сейчас мыслишь?

– Нет.

– Тогда как ты находишь ответы на вопросы, которые я тебе задаю?

– Не знаю... Нет. Не могу объяснить.

– С кем я сейчас разговариваю, Бенито? – вкрадчиво поинтересовался Доктор.

– Со мной, – ответил зомби.

– Кто ты? – спросил Доктор и замер в ожидании ответа, который, как он полагал, мог в корне изменить все представления людей о том, что происходит в Зоне.

– Я тот, кого ты называешь Бенито.

Нет. Не это рассчитывал услышать Доктор.

– Это слишком простой ответ, Бенито.

– А как будет сложно?

– Это ты мне скажи.

– Я не понимаю, – покачал головой зомби.

Говорят, что новорожденные дети знают о мире если не все, то гораздо больше, чем взрослые. Вот только рассказать они ничего не могут. А к тому времени, когда обретают способность говорить, все забывают. Шутка, конечно. Но сейчас, глядя на Бенито, Доктор готов был поверить в то, что этот зомби действительно знает больше, чем способен выразить словами. Говорящий не знает, а знающий не говорит – с этой истиной не поспоришь, даже если очень хочется.

– Скажи мне, Бенито, другие зомби слышат наш разговор?

Бенито задумался.

– Нет... Не думаю... Не знаю...

– Ты знаешь, что сейчас делают другие зомби?

– Я не хочу это знать.

– А если бы захотел?

– Не знаю, – пожал плечами зомби.

– Попробуй.

– Зачем?

– Тебе разве не интересно?

– Интересно?... Нет... Не знаю...

– Хочешь еще одну банку шпрот?

– Хочу.

– Попытайся узнать, что сейчас делают зомби в Припяти.

– Зачем?

– Я дам тебе за это банку шпрот.

Бенито наклонил голову и трижды стукнул согнутыми пальцами себя в лоб.

– Ты думаешь здесь, Доктор, – произнес он вроде как с укоризной.

– Почему? – не понял Доктор.

– Потому что нет никакой связи между тем, что ты мне предложил, и банкой шпрот...
Ее у тебя все равно нет.

– Как ты узнал?

Бенито улыбнулся.

– Перестань думать головой, Доктор. Может быть, тогда у тебя тоже получится. Однажды у тебя это получилось.

Доктор почувствовал, как у него похолодели кончики пальцев. Он понял, о чем говорит Бенито. Но он не хотел в это верить. Зомби не мог знать о том случае. Черт возьми! Да его тогда просто на свете не было! Пять лет назад лежал Бенито в своем уютном гробике, гнил помаленьку и знать не знал, что существует жизнь после смерти.

Доктор медленно провел языком по губам. Так делают зомби, когда настраиваются на серьезный лад.

– Говори, Бенито, я тебя слушаю.

– Что? – Зомби удивленно поднял складки высохшей кожи на надбровных дугах – от самих бровей давно ничего не осталось.

– О том случае.

– Я не понимаю.

– Ты сказал, что однажды у меня получилось. Так?

– Так.

– Что ты имел в виду?

– Ничего.

– Тогда почему ты сказал об этом?

– Потому что я знаю тебя, Доктор. Хорошо знаю. – Зомби протянул руку и одобряюще похлопал Доктора по плечу. – Ты очень способный. Если ты захочешь, у тебя все получится.

– Ты не Бенито, – глядя зомби в глаза, тихо произнес Доктор.

– Я – Бенито, – ответил зомби. – И ты знаешь это.

Доктор приложил два пальца к губам и медленно качнул головой из стороны в стороны.

– Ну и хорошо, – улыбнулся Бенито. – Пусть так и будет. Так?

– Так, – согласился Доктор.

Бенито посмотрел в ту сторону, где солнце падало за горизонт, и зябко обхватил себя руками за плечи.

– Скоро ночь. Прятаться пора.

У зомби плохой термобаланс тела. Да и какой может быть термобаланс при отсутствии кровообращения? Поэтому зомби не любят, когда идет дождь. А на ночь предпочитают спрятаться куда-нибудь и сбиться в кучу. Ночью зомби не спят, просто переживают холодное время суток.

При всей широте его взглядов спать в обнимку с зомби Доктор категорически не хотел. Поэтому он достал из рюкзака армейское синтепоновое одеяло и кинул его Бенито на колени. Зомби тут же схватил одеяло и завернулся в него умело, как индеец. Только голова наружу торчала.

– Ложись спать, Доктор. А я здесь сидеть буду. Сторожить буду, чтобы никто не съел тебя и рюкзак не утащил.

Лучшего сторожа, чем зомби, придумать невозможно. В сне не нуждается, обладает ночным зрением и превосходным обонянием. К такому никто не подкрадется незамеченным. Главное, чтобы тот, кто ложится спать, доверял сторожу.

Сегодняшний разговор заронил в душу Доктора немало зерен сомнения, но тем не менее в преданности Бенито он был по-прежнему уверен. Настолько, что не побоялся бы оставить под его присмотром целую коробку со шпротами, в которых Бенито души не чаял.

Достав из рюкзака спальный мешок, Доктор прыгнул в яму, посветив фонариком, заглянул в нору. Бенито навел порядок, оставив только сухую траву и кирпич, который, как он полагал, во время сна непременно нужно класть под голову. Затолкнув кирпич подальше в нору, Доктор расстелил спальник, забрался в него и застегнул «молнию».

– Спокойно ночи, Бенито.

– Спи спокойно, Доктор.

Тихо. Спокойно. Хорошо.

– Доктор...

– Что, Бенито?

– Ты еще не спишь?

– Нет.

– Дай мне винтовку.

– Зачем тебе винтовка, Бенито?

– Чтобы я мог прогнать того, кто попробует подкрасться к нам в темноте.

– Ты и без винтовки кого хочешь прогонишь.

– А если придет излом?

– Бенито, ты лучше меня знаешь, изломы в эти места не заходят.

– А кровосос?

– Кровосос сам тебя испугается.

– А много кровососов?

– Бенито! Кровососы – не зомби, они толпами не ходят.

Тишина.

– Доктор...

– Что, Бенито?

– У меня нехорошее предчувствие.

– О чем ты?

– Рядом зло.

Доктор тяжело вздохнул и перевернулся на спину.

– Бенито...

– Я чувствую это.

– Я думал, ты никого не боишься.

– Я не боюсь... Мне не нравится то, что я не могу понять.

Даже после такого заявления Доктор не проявил беспокойства. Если бы Бенито действительно почувствовал опасность, он давно бы поднял тревогу. А так... Быть может, Доктор сам виноват – растревожил зомби своими расспросами, вот ему теперь и мерещится бог знает что. Никогда прежде Доктор не думал, что зомби способны принимать подобные разговоры близко к сердцу... Ну, или к чему там у них полагается.

– Доктор...

– Я слушаю тебя, Бенито.

– Я не хочу показаться назойливым...

– Что еще?

– Если это человек, то я смогу прогнать его, только если у меня будет оружие.

Доктор обреченно вздохнул и закрыл глаза. Хотя последнее не имело смысла – в норе и так было темно. Похоже, Бенито всерьез растревожился и не скоро успокоится. Ему-то спать не надо, а человеку нужно как следует выспаться перед дневным переходом. Зло он чувствует, а то, что человек нуждается в отдыхе, понять не может. Экстрасенс кукуевский...

– Ты с оружием-то обращаться умеешь?

– В прошлой жизни я был военным.

Вот так! Не зомби, а кладезь сюрпризов.

– Ты не говорил мне об этом раньше.

– Раньше я этого не знал.

– И когда же ты узнал об этом?

– Сейчас... Когда понял, что мне нужно оружие.

Доктор откинул полу пыльника, достал из кобуры на поясе пистолет – бельгийский браунинг «хай пауэр», – развернувшись с трудом в узком лазе, высунулся по плечи из норы и кинул оружие Бенито.

Зомби быстро схватил пистолет и спрятал его под одеялом.

Тишина.

Щелкнул предохранитель.

Лязгнул негромко затвор.

Снова щелчок, – предохранитель встал на место.

– Скажи мне, Бенито, зомби умеют лгать?

– Не знаю... Я не пробовал.

Вот и пойми его после этого. Как в логической загадке: живут в джунглях два племени, в одном все каннибалы, в другом добрые люди, попробуй угадай, кого ты встретил в лесу, если первые никогда не говорят правду, а вторые никогда не лгут?

Доктор перевернулся на другой бок и закрыл глаза. Все, спать. Завтра тяжелый день.

Бенито сидел на краю ямы, закутавшись в одеяло, и смотрел на темно-красную полосу, оставшуюся там, где солнце свалилось за горизонт. Зомби думал о том, кем он станет после того, как снова умрет. Идея реинкарнации не представлялась ему достойной внимания. Нирвана казалась недоступной. Наверное, если бы у него был выбор, Бенито предпочел бы просто умереть. Но так, чтобы раз и навсегда. Что может быть лучше, чем классическое небытие?

Впереди была долгая ночь.

Глава 4

В эту ночь Штырю приснился очень странный сон.

Сны ему снились и прежде. Разные – приключенческие и эротические, провидческие и фантастические, футуристические и абсурдистские, маньеристские и кавалеристские, демографические и порнографические, эзотерические и эксгибиционистские, кубистские и пуантеистские, научно-популярные и профессионально-образовательные, авангардистские и приземленные, а также совершенно бессмысленные. Обычно наутро он помнил только обрывки сна, которые позволяли если не истолковать его тем или иным образом, то уж, по крайней мере, как-то классифицировать.

То, что приснилось Штырю нынешней ночью, не укладывалось ни в какие рамки.

Штырь увидел себя в облике дикого зверя. Не зверя даже, а чудовища, монстра, уродливого настолько, что, несмотря на свой немалый рост, он вызывал не страх, а смех. Он был похож на огромную, разжиревшую сверх всякой меры, лягушку. Все у него было на месте – и широченный безгубый рот, и безумно вытаращенные глаза, и грязно-зеленая, покрытая слизью вкуче с болезненного вида волдырями кожа. Но когда он пытался зареветь, из пасти его не вырывался даже, а скорее вываливался эдакий противеньский звук, похожий на шлепок ладошкой по воде. При этом по языку начинала стекать и капать на нижние конечности желтоватая вязкая слюна. Мерзко! Даже огромные загнутые когти на лапах и три – почему три? – коровьих рога на голове не придавали ему внушительности. Короче говоря, не монстр, а насмешка какая-то.

Сам же Штырь, вернее, его сознание, обосновавшееся в теле этого придурочного вида чудовища, почему-то не подозревал о том, насколько смешно он выглядит. Он считал себя мощным и сильным, способным крушить и ломать, а может быть, даже убивать и насиловать. И, гордо шлепая перепончатыми лапами, он отправился в путь.

Куда он шел, Штырь точно не знал, но у него точно была какая-то цель. Скорее всего, большая и светлая. И что, пожалуй, самое главное, его не интересовало ничье мнение о своей персоне.

Так, бодро шлепая по травке, Штырь добрался до городской окраины. Когда-то большой и людный, ныне город лежал в руинах. Кругом только дыры в стенах вместо окон, сорванные с петель двери, обрушившиеся козырьки над подъездами, балконы без парапетов. И ни одной живой души.

На центральной площади Штыря встретил металлический болван, роста небольшого, но забравшийся на постамент. Болван смотрел куда-то вверх крыш и тянул руку вверх, как будто пытался ухватить висевшее на ветке яблоко. Вот только не было поблизости яблонь. А кроме того, то, что в Зоне растет, кушать нельзя.

– Верной дорогой идешь, товарищ! – крикнул металлический болван Штырю.

– Без тебя знаю, – махнул на него когтистой лапой Штырь.

Из раскрытых настежь дверей здания с надписью «Универмаг» на площадь высыпали десятка полтора зомби и принялись хохотать, тыча в Штыря пальцами. От смеха у них отваливались носы, уши и даже челюсти. Зомби ловили их на лету, пристраивали на место и снова хохотали.

– Ужо я вас! – погрозил мертвякам когтем зеленый Штырь.

Но они его словно и не слышали.

Штырь попытался зареветь, но только перемазал липкой слюной выпирающий вперед живот.

Плюнув на зомби, но промахнувшись, Штырь пошлепал дальше.

– Каждой твари по паре, товарищ! – закричал вслед ему болван с пьедестала. – Каждой твари по паре!

Что он хотел этим сказать, Штырь не понял, поэтому только лапой на него махнул:

– А, ну тебя!

Зато Штырь догадался наконец, что ему нужно сделать для того, чтобы вернуться к нормальному облику. Всего-то и требовалось, что добраться до защитного периметра, отделяющего Зону от остального мира, и с ходу перепрыгнуть кордон. Иначе монстру из Зоны не выбраться – солдаты расстреляют, а то, что останется, отдадут ученым на исследование. А вот как окажется Штырь за пределами Зоны, так и наваждению придет конец. Не будет больше пучеглазого зеленого монстра, вылезет из его шкуры добрый молодец.

В принципе Штырь полагал, что монстром быть не так уж плохо. Но только таким, чтобы все боялись. Нынешний же его облик после встречи с зомби Штыря ни в коей мере не устраивал.

Для начала Штырь решил попрактиковаться в прыжках.

Оттолкнулся – прыгнул. Оттолкнулся – прыгнул.

Получалось неплохо.

Настолько неплохо, что вскоре, сам не заметив как, Штырь допрыгал до бара «Сталкер».

А из дверей бара уже народ валит – всем на невиданное чудище поглазеть охота.

Один из сталкеров посмотрел на Штыря, задумчиво бороду почесал и обратился к стоявшему рядом с ним коротышке, на голову которого был надет шлем от исследовательского костюма высокой защиты:

– А вот как ты думаешь, допрыгает ли этот монстр до защитного периметра?

Коротышка достал из кармана платок и сделал вид, что протирает несуществующее забрало шлема.

– Нет, – безнадежно покачал он головой. – До периметра точно не допрыгает.

Бородатый еще раз оценивающе посмотрел на Штыря.

– А я так думаю, что, может, и допрыгает.

– Нет, – уверенно заявил коротышка. – До периметра не допрыгает. Разве что только до убежища Жабы. А дальше – нет.

Это почему же я не допрыгаю до периметра, хотел спросить у спорщиков Штырь, но вместо этого только липкой слюной сталкеров забрызгал. Сталкеры, понятное дело, восприняли это как акт агрессии и тут же схватились за оружие.

Штырь хотел было оттолкнуться посильнее да прыгнуть от них подальше, но поскользнулся и со всего размаху грохнулся на спину. Лежит и чувствует, что подняться не может – уж больно он тяжел, жирен и скользок.

А сталкеры вокруг бегают, из винтовок да автоматов в него целятся.

И понял тут Штырь, почему не допрыгать ему до периметра...

Приснится же такой бред.

Глава 5

Штырь едва не свалился с дерева, когда наконец рассмотрел, что за спутника выбрал себе Доктор. И непременно бы свалился, если б не пристегнулся загодя ремнем к стволу – разумная предосторожность, когда ночуешь на дереве.

Еще накануне, наблюдая за Болотным Доктором, Штырь пришел к выводу, что тот не в своем уме. Но путешествовать в компании с зомби – это даже для сумасшедшего слишком!

Самому Штырю не доводилось лицом к лицу сталкиваться с живыми мертвецами, но от бывалых сталкеров он слышал, что в Зоне зомби совсем не те безумно-агрессивные чудовища, что пугали народ в классических фильмах Джорджа Ромеро. А ежели зомби подкормить немного, – питаются они также не мозгами, как в кино, а всем, что под руку подвернется, особенно печенье и галеты уважают, – так они и вовсе покладистыми становятся. С ними даже поговорить можно, и, если толковый мертвяк попадется, он тебе и дорогу куда надо укажет, и про ловушки близлежащие расскажет, и как пройти, чтобы с кровососами не столкнуться, подскажет. Но чтобы зомби нанимались носильщиками – такого Штырю слышать не доводилось. Ну, ладно, днем топает он рядом с тобой, рюкзак прет, а ты идешь налегке и руку, понятное дело, в кармане, на рукоятке пистолета держишь. Чуть что в поведении мертвяка не понравилось – бах! – и тащи дальше сам свой рюкзак. А ночью-то как? Кто знает, что мертвяку в голову взбредет, пока ты спишь? Может быть, возьмет да раздраконит весь твой груз. А может, и самому тебе в горло вцепится.

Убедившись, что Доктор и зомби не собираются сразу же сниматься с места, Штырь повесил бинокль на сук, расстегнул ремень и спустился на землю. Нужно было размяться и совершить утренний моцион. В траве у ствола дерева лежало рассеченное надвое тело гигантской тысяченожки, попытавшейся ночью покуситься на запасы провианта начинающего сталкера. Штырь даже не подозревал, как ему повезло, что ни единая капля слизи, брызнувшей в темноте из разрубленного тела тысяченожки, не попала на его одежду. Случись такое, к утру вся его кожа была бы покрыта огромными волдырями, а начавшийся отек гортани мог закончиться смертью от удушья. То-то ее даже мертвой никто не съел.

Спать на суку дерева – удовольствие то еще. Благо, что человек такая тварь, что ко всему привыкает. Накануне вечером Штырь решил устроиться на дереве, когда понял, что никакого иного убежища поблизости не найдет. К тому же с дерева открывался превосходный вид на место, где остановились Доктор и его мертвяк. Дерево было похоже на березу. Кора такая же, белая с черными крапинами, листочки мелкие, зеленые. Вот только ствол у нее был странный. В метре с небольшим от земли он вдруг изгибался под совершенно немыслимым углом и описывал широкое кольцо в горизонтальной плоскости, после чего снова устремлялся вверх. По счастью, на этом странности дерева заканчивались.

За ночь никто, кроме тысяченожки, Штыря не побеспокоил. Хотя внизу, в траве и кустах, всю ночь что-то непрестанно шуршало, скрипело и попискивало. А однажды откуда-то издаleка раздался долгий, пронзительный крик, очень похожий на человеческий. И сразу заверещавший ПДА сообщил, что неподалеку погиб сталкер Семецкий. Спал Штырь, понятное дело, урывками, но все же это было лучше, чем сидеть всю ночь, пялясь в темноту.

Сделав все, что полагается делать человеку поутру, Штырь снова забрался на дерево. Даже без бинокля было видно, что Доктор и зомби сидят на краю ямы и вроде бы никуда не торопятся. Ну, а раз такое дело, Штырь решил, что ему тоже самое время позавтракать. Расстегнув рюкзак, он достал флягу с водой и пакетик с сублимированной курицей. Надорвав упаковку, Штырь плеснул в пакетик немного воды и тут же залепил его специальным клейким уголком. Пакет зашипел и начал на глазах раздуваться. Спустя три минуты Штырь разорвал упаковку и достал из пакета отварную куриную грудку. Отличный завтрак, если добавить к

нему еще пару галет. Вкуса почти никакого, зато питательная ценность в полном соответствии с цифрами, указанными на упаковке.

Не спеша пережевывая курицу, – ему с детства вбили в голову мысль о том, что для того, чтобы пища хорошо усваивалась, ее нужно долго и тщательно пережевывать, – Штырь приложил к глазам бинокль, чтобы посмотреть, что едят на завтрак Доктор с зомби.

На этот раз он едва не подавился.

Закашлявшись, Штырь выплюнул вставший колом в горле кусок куриного мяса, который тут же подхватил выскочивший из густой травы псевдокролик. Схватил и убежал. Должно быть, оголодал совсем.

А увидел Штырь в бинокль следующее. Вокруг сидевших на земле Доктора и зомби расхаживали толстые карлики в длиннополых, подпоясанных веревками темно-коричневых плащах с капюшонами. Как у монахов-доминиканцев. Со спины карлики были похожи не то на обиженных гномов, так и не поделивших между собой Белоснежку, не то на пустынных из фильма Лукаса, торговавших с рук списанными роботами. Вот только лица у них были широкие, багровые и невообразимо уродливые, как будто любимой забавой у них было доставать зубами яблоки из чана с кипятком.

Это были бюреры, злобные карлики-мутанты, наделенные мощными телекинетическими способностями. В самопальном справочнике – полсотни сшитых вручную страниц, распечатанных на принтере, – торжественно врученном ему первым же торговцем, с которым он встретился, Штырь прочитал, что в отличие от тех же зомби никакие контакты с бюрерами невозможны. Увидишь такого карлика – лучше сразу пристрели, пока он тебя не заметил. Иначе бюрер создаст вокруг себя гравитационное поле, сквозь которое его ни пулей, ни гранатой не достанешь, а достанет он тебя телекинетическим ударом.

Если верить неизвестному составителю справочника, бюреры питаются падалью, избегают яркого света и живут в мрачных, темных подземельях. Однако Штырь своими глазами видел бюреров, разгуливающих при свете дня, и не одного, а с десятков, пожалуй. Ни один из карликов не пытался напасть на Доктора или зомби, и те, в свою очередь, не обращали на них особого внимания. То есть не то чтобы они вообще их не замечали, но относились к их присутствию, как к чему-то само собой разумеющемуся.

Да уж, Доктор... Какие еще сюрпризы имеются у него в записке?

Доев курицу, Штырь кинул пустую упаковку вниз. Из травы выскочило существо, похожее на майского жука размером с ладонь, схватило пластиковую упаковку, потрепало ее немного и поволокло в кусты. Зона, здесь все едят всё, что хотя бы кажется съедобным.

Штырь блаженно вздохнул, сделал пару глотков воды и спрятал флягу в рюкзак. Воду нужно было экономить – неизвестно, где и когда удастся пополнить запас. Штырь очень надеялся на Доктора: должен же у него дома быть если не водопровод с многоступенчатой системой фильтрации, так хотя бы запас питьевой воды.

Прислонившись спиной к стволу дерева и обхватив рукой толстый сук – на всякий случай, кто знает, что там у Доктора происходит, – Штырь снова взялся за бинокль.

Суть твою! Казалось бы, он уже такого насмотрелся, что теперь его ничем не удивить. Но он вновь оказался в ситуации, когда остро встал вопрос: стоит ли верить своим глазам?

Доктор лечил этих уродов! Бюреров то есть! Или же...

Штырь внимательнее присмотрелся к тому, что делал Доктор.

Да нет же, точно лечил! Сейчас Доктор старательно бинтовал уродливому карлику плечо. Выражение лица у бюрера при этом было страшно недовольное. Тем не менее он стоял неподвижно, придерживая свободной рукой приспущенный рукав плаща.

Закончив перевязку, Доктор взял пневмошприц и сделал бюреру инъекцию. Пациент похлопал широкими губами, должно быть, сказал что-то, – хотя все тот же универсальный

справочник по Зоне совершенно определенно утверждает, что бюеры не способны осмысленно выражать свои мысли, – и уступил место следующему.

Дела-а-а...

Штырь улегся на сук и положил бинокль на живот.

Интересно, знают ли другие сталкеры, как распоряжается Доктор медикаментами, купленными на их деньги? Ведь эти бюеры подлечатся сейчас – может быть, даже как-то свое «гран мерси» Доктору выскажут, а при случае другого человека убьют, не задумываясь. И съедят потом.

Да, но почему они на Доктора не нападают?..

Странно все это... Сначала зомби ручной, потом бюеры, явившиеся на прием к доктору Айболиту... Кто следующий? Кровосос придет капли от насморка попросить? Излом потребует вывих ему вправить? Или же сам контролер за таблетками от головной боли явится?..

Бред.

Доктор сумасшедший, это понятно. Но даже в действиях безумца должна присутствовать своя, уродливо трансформированная логика. Чего ради Доктор возится с этими мутантами? Зомби – хорошо, он за пачку галет рюкзак тащит, можно сказать, дармовая рабочая сила. Ну, а бюеры ему зачем?..

И тут Штырь осенило. Да, бюеры! Именно они нужны Доктору в первую очередь! Бог знает, как ему удалось приручить злобных карликов, но теперь он их коротенькими лапками загребает такие деньжищи, что не снились ни одному из сталкеров. Даже лучшему из лучших! Бюеры живут в подземельях, куда не всякий рискнет сунуться, а значит, артефактов там больше, чем можно вообразить. Может быть, даже такие, каких еще никто не видел. Вот и таскают бюеры Доктору артефакты в обмен на бинт и зеленку. Методика отработанная, в свое время в Сибири промышленники у аборигенов шкурки песцовые на бусы стеклянные да зеркала карманные выменивали.

Да...

Док хоть и прикидывается дураком, а своего, как видно, не упустит.

Среди сталкеров ходит легенда о философском камне. Вроде как есть такой артефакт, но только встречается он крайне редко, а тот, кто его найдет, предпочитает никому о нем не рассказывать. С виду обычный камешек округлой формы, серенький, с красноватыми прожилочками. Но если в таз с мочой положить свинцовый слиток, довести на медленном огне до кипения, а потом камешек тот самый в таз кинуть, то ровно через тридцать три часа... Верно, свинец обратится в золото. Обычный алхимический процесс, трансмутацией называется. Что, если доктор задумал этот камень философский сыскать? А может, раздобыл уже? И только ждет случая, как бы из Зоны свалить потехничнее?..

Штырь довольно хмыкнул. Определенно, вещички Доктора нуждались в ревизии. Ежели никто из бывалых сталкеров не удосужился проверить, что там Док у себя на болоте прячет, придется ему этим заняться.

Общение Доктора с бюерами продолжалось около часа. Зомби все это время сидел в сторонке – видно, так же как и Штырь, не разделял любви своего хозяина к мелким человечкам. Штырь даже что-то вроде уважения к нему почувствовал. Тоже ведь мертвяк, а свое понятие имеет.

Куда делись бюеры, когда закончился прием, Штырь не заметил, – просто они были, и вдруг их не стало. Может быть, в яму прыгнули? А Доктор с зомби принялись вещи складывать.

Пора было снова собираться в дорогу. Штырь слез с дерева, еще раз сбегал в кусты – на всякий случай, чтобы по дороге нужда не замучила, – как следует приторочил на спине рюкзак, подтянул левую лямку и для порядка проверил затвор автомата.

Все готово.

Как только Доктор со своим ручным зомби покинул место ночной стоянки, Штырь, как и накануне, двинулся параллельным с ними курсом.

На ходу Штырь думал в первую очередь о том, как бы не потерять Доктора из виду. Случись такое, и дорогу к дому на болоте придется искать самому. А что значит искать дорогу в Зоне, это Штырь уже уяснил. Здесь можно черт знает сколько ходить кругами, будучи уверенным, что двигаешься в нужном направлении. Почему так происходит, никто объяснить не мог. Сталкеры же очень точно окрестили это явление «эффектом трех сосен». С временными аномалиями Штырю сталкиваться пока не приходилось, но говорят, что и такие существуют. Собственно, почему бы и нет? Зона, она и есть Зона.

Кроме того, Штырь думал, как быть с мертвяком, что тащит рюкзак Доктора. Что, если Док зомби у себя дома держит? Или где-то поблизости, в конуре, как сторожевого пса? Тогда ведь незамеченным к дому не подойдешь. Сначала зомби пристрелить придется.

Местность вокруг была, прямо скажем, располагающая к спокойному, созерцательному отношению к миру. Деревья да кусточки, если не присматриваться к ним внимательно, так и не скажешь, что мутанты какие, – вполне обычная растительность, характерная для средней полосы. Временами даже цветочки встречались. Необычные, но красивые, похожие не то на китайские фонарики необычной расцветки, не то на гигантских обожравшихся мух с огромными, раздувшимися брюшками. Погода превосходная – небо серой пеленой затянуто, мелкий дождик накрапывает. Живности почти никакой не видно, разве что псевдокролик иногда из-под ног выскочит да в кусты шуранет, или псевдоовца вдруг из-за дерева вывалится и тупо уставится глазом на одинокого путника. Ощущение заброшенности и запустения создают только непонятные решетчатые конструкции, ржавые и кособокие, то и дело встречающиеся на пути. Что они собой представляли лет десять-пятнадцать назад и какого рожна их сюда приволокли, понять невозможно. Да и не хочется понимать, поскольку понимание сие не в состоянии каким бы то ни было образом изменить основополагающую картину окружающего мира, сложившуюся в голове начинающего сталкера.

И вот, настроившись на подобную созерцательность, Штырь едва не влетел в скопление конденсаторов. Это было именно скопление, а не один, не два и даже не три конденсатора. Потому что, когда Штырь все же удосужился кинуть болт, в него ударило сразу несколько разрядов, суммарная мощность которых была столь велика, что болт расплавился, не успев упасть на землю. У Штыря похолодело внизу живота и копчик зачесался со страшной силой, стоило ему только представить себя на месте этого болта.

Спасло его только то, что вокруг небывало мощного скопления конденсаторов создалось статическое электромагнитное поле. Штырь сделал шаг, почувствовал, что волосы у него на теле встали дыбом, и замер, боясь даже глазом моргнуть. Волосы на голове натурально шевелятся, кончики пальцев электричество пощипывает, пока не очень сильно, а под затылочной костью одна только мысль: сейчас ка-а-ак шарахнет!.. Медленно, очень медленно Штырь подтянул назад правую ногу, которой он как раз и сделал последний шаг. Окажись этот шаг чуть побольше, и точно шарахнуло бы стекающим в землю разрядом.

Отойдя от конденсаторов на безопасное расстояние, Штырь сел прямо на траву, вытянул ноги и расстегнул воротник защитного комбинезона. Опять же, дурак, не посмотрел, куда садится. Но повезло ему и на этот раз – муравейник в пяти шагах левее находился. Рюкзак с плеч скинул Штырь, клапан расстегнул, выдернул из-под него флягу с водой, отвернул крышку и припал к горлышку губами. Пил он долго, не заботясь о том, что воды может не хватить на весь переход. Какое там! Впервые за все время своего пребывания в Зоне Штырь оказался менее чем в шаге от верной смерти. Вернее, случалось такое и прежде, только сам новоиспеченный сталкер об этом не подозревал, а потому и нервы понапрасну не жег.

Напившись, Штырь зубами сдернул с правой руки перчатку, плеснул в пригоршню немного воды и провел влажной ладонью по лицу. После этого он почувствовал себя немного

лучше и, как уже было сказано, запустил в сторону конденсаторной аномалии болт. После того как болт очень эффектно превратился в полете в ярко-желтую каплю металла, Штырь понял, что никогда, ни при каких условиях, ни за какие деньги он не вернется в Зону после того, как выберется отсюда. Зона для сумасшедших типов вроде Доктора. Для отвязных пофигистов вроде Бороды или Бычка. Для легендарных личностей, про которых не известно, существуют ли они на самом деле, вроде Семенцова. Для экстремалов, психов, невротиков, галлюцинирующих грибоедов, больных с пониженным чувством опасности – для всех тех, кому жизнь за пределами Зоны кажется скучной и пресной. Но такая жизнь не для нормальных людей, к которым, с некоторыми оговорками в свою, естественно, пользу, причислял себя Штырь. Нормальный человек не может все время, сутки напролет, бодрствуя и даже во сне находиться в состоянии интуитивного предчувствия опасности. Нормальные люди такое состояние называют паранойей. А в Зоне, не став параноиком, не выживешь.

К черту эту Зону!

Штырь вскочил на ноги, одернул пыльник, закинул на спину рюкзак, дернул затвор автомата... Последнее действие явно было лишним. В кого стрелять-то? Не стрелять нужно, а бежать! Бежать, как можно скорее! Прочь! Бежать куда глаза...

А вот это явная ошибка – бежать куда глаза глядят, и уж тем более куда угодно, в Зоне нельзя ни в коем случае. Здесь каждый шаг должен быть обдуман и выверен. Жизнь на грани смерти. Расчет на грани безумия.

Штырь еще раз провел ладонью по лицу, после чего натянул на руку перчатку. Все, порядок...

Да какой там, суть твою, порядок!

Штырь чувствовал, как внутри у него зреет пузырь, готовый взорваться в любую секунду. И что может послужить тому причиной, не знал даже он сам. Точно так же не знал Штырь, во что превратится после того, как скопившиеся в пузыре страх, злость и ненависть, неизвестно на кого направленные, изольются вовне и станут его истиной сутью. Быть может, тогда на него снизойдет просветление. А может быть, внешне оставаясь человеком, в душе он станет еще одним живым мертвецом.

Нет, определенно Штырь не собирался ставить на себе такие опыты. Его место было не здесь, он оказался в Зоне по чистой случайности... Ну, пусть не совсем случайно, но с той же долей вероятности он мог находиться в это самое время в двух, нет, в трех десятках других мест. Так почему он здесь?... Ответ прост – потому что хотел получить гарантию, что не окажется на кладбище. Штырь рассмеялся, широко разинув рот. Можно подумать, Зона сильно отличалась от кладбища. Разве только тем, что на кладбище мертвецы спокойно лежат в своих гробиках, а в Зоне они бродят как неприкаянные. Все. И те, кто уже умер, и те, кто только к этому идет.

Эй, Штырь! Становись в нашу колонну!

Назвался сталкером – полезай в Зону.

Поначалу Штырь думал, что ко всему может привыкнуть. Ну, пускай не ко всему, но ко многому. Подумаешь, Зона. В Африке тоже жизнь не сахар – джунгли, малярия, удавы, крокодилы. Аборигены, опять-таки, вечно голодные. Но, как выясняется, принципиальное отличие Зоны от любого другого места на Земле заключается в том, что к ней невозможно привыкнуть. Она никогда не повторяется, подкидывая все новые сюрпризы. А в тот момент, когда тебе кажется, что ты уже все о ней знаешь, Зона вдруг выдает такое, что и в страшном сне не привидится.

Зону невозможно изучить. Зону невозможно освоить. Зону невозможно понять. Так на кой черт, спрашивается, она вообще нужна?... Дело в том, что уничтожить ее тоже невозможно. Пробовали. Ничего не вышло.

Если прежде у Штыря еще оставались какие-то сомнения по поводу задуманного, – он ведь пока только следовал за Доктором, но не предпринимал никаких необратимых действий, а значит, в любую минуту мог свернуть в сторону, пойти своим путем, забыв о доме на болоте и о тех богатствах, которые, по всей видимости, там хранятся, – то теперь он уже точно знал, что обратной дороги у него нет. Взять то, что, по сути, и не принадлежит никому, быстро обработать товар в деньги и мотать поскорее из Зоны. Это один вариант. Другой – принять Зону как данность, свихнуться и стать как все, кто здесь остался. Альтернатива? Штырю выбор казался очевидным. Поэтому он быстро сверился с показаниями ПДА, чтобы определить, далеко ли ушел Доктор, кинул еще пару болтов, чтобы определить границы конденсаторной аномалии, и в обход накрытого электромагнитным полем участка зашагал к намеченной цели.

Конденсаторы, между прочим, были совсем недешевыми и всегда востребованными артефактами. При небольших размерах – тонкий цилиндр около тридцати сантиметров длиной – конденсатор являлся надежным источником питания для любых электроприборов. Сколько именно способен служить конденсатор, никто сказать не мог, потому что ни один из тех, что был когда-либо подключен, по сей день не выработал свой ресурс. Все освещение бара «Сталкер» обеспечивалось тремя конденсаторами, прикупленными Крысом по случаю лет восемь назад.

Существовало множество разных теорий, призванных объяснить природу производимого конденсатором электричества, – ну, любят люди все объяснять и систематизировать, ничего с этим не поделать. Одни говорили, что конденсатор подпитывается за счет природных электромагнитных полей. Другие полагали, что причина в нуль-транспортировке электронов, в основе которой лежит «дырочный» эффект. Третьи называли конденсаторы чудом, дарованным людям Господом. Ну, вроде как в свое время Иисус семью хлебами толпу народа накормил и воду в вино обратил, а ныне Господь хочет помочь детям своим неразумным решить энергетическую проблему.

Одиночные конденсаторы никакой опасности не представляли. Если, конечно, не угрожает тебя сесть на него мокрым голым задом. Для транспортировки достаточно было завернуть конденсатор в два слоя обычного полиэтилена. Наверное, если как следует подумать, можно найти способ, как растащить в разные стороны конденсаторы из обнаруженного Штырем скопления. Поначалу Штырь подумал было, не оставить ли поблизости знак какой приметный, чтобы, с одной стороны, других сталкеров об опасности предупредить, а с другой – указать, где прямо на земле денежки валяются. Но потом решил – не-е-ет. С чего это он неизвестно кому подарки делать станет? Он, получается, чуть заживо не сгорел на этой куче конденсаторов, а кто-то другой его находкой воспользуется? Нет, так не пойдет. Это – Зона, здесь каждый сам за себя.

Судя по карте, дорога до озера Янтарь должна была занять никак не меньше суток. Но то ли карта у Штыря была слишком приблизительная, то ли Доктор знал короткий путь, только около полудня они уже вышли к берегу озера. Вернее, к озеру вышли Доктор и зомби. Штырь увидел их, выглянув из кустов. Мертвяк и Доктор стояли у самой кромки воды и о чем-то разговаривали. По их жестам и выражениям лиц можно было понять, что Доктор старательно уговаривает зомби, а тот решительно отказывается от предложения.

На Янтаре находился научный лагерь, в котором вот уже на протяжении шести с лишним лет жили и работали ученые, на полном серьезе пытавшиеся постичь суть аномальной природы Зоны. Бывалые сталкеры говорили, что, хотя ученые и являются официально государственными служащими, с ними вполне можно иметь дело. Они и артефакты покупают, и зверье всякое чудное, что в Зоне водится. Порой сами делают заказы. В обмен же у них можно получить новое снаряжение, медикаменты или что-то из научного снаряжения. Скафандры высокой защиты, например, в Зону только ученые завозят. А без них к главному реактору не сунешься. Только прежде чем идти в лагерь ученых, нужно удостовериться, что именно в

это время военные сталкеры не надумали провести инспекцию. Прежде взвод военных сталкеров постоянно дислоцировался в научном лагере. Позже, когда лагерь оборудовали системой эшелонированной автоматической защиты, необходимость в этом отпала. А случись что, два взвода военных сталкеров могли десантироваться с вертолетов в зону расположения научного лагеря спустя двадцать четыре минуты после получения сигнала тревоги.

Быть может, Доктор собирался идти в лагерь на Янтаре? Тогда понятно – зомби отказывался его сопровождать. Он ведь для ученых всего лишь объект научного интереса. Разрежут на куски и, как зовут, не спросят.

Спор Доктора с зомби закончился тем, что оба присели на бережку. Зомби скинул с плеч рюкзак, а Доктор достал из него пару консервных банок и упаковку галет.

Раз такое дело, Штырь тоже решил перекусить.

Обед отдыхающих на берегу был прерван самым неожиданным образом. Увидев, как вскочил вдруг на ноги зомби, Штырь схватил бинокль. Крикнув что-то, зомби указал на воду. Доктор сначала привстал, а затем медленно попятился от песчаного бережка подальше к лесу. Штырь не сразу понял, что происходит, но, присмотревшись как следует, смог различить бледно-голубой, почти прозрачный шар, похожий на надувной, мерно раскачивавшийся на волнах. Именно на него указывал зомби, хотя что его так взволновало, понять было непросто. Ну, шар. Ну, плывет себе. Никого не трогает. Может быть, зонд какой научный – плавает, пробы воды собирает.

Не дожидаясь, когда шар прибьет к берегу, зомби схватил длинный посох Доктора, забежал по колено в воду и с размаху трижды ударил по шару. Должно быть, попал он только в третий раз, потому что именно после третьего удара послышался хлопок и в стороны от того места, где находился шар, разлетелась голубоватая аура, почти мгновенно растаявшая в воздухе.

Доктор вернулся на берег, положил руки зомби на плечи и, по всей видимости, принялся благодарить его. Зомби молча скалился и смущенно отводил глаза в сторону. Лишь время от времени он произносил какую-то короткую реплику и обеими руками делал широкое кругообразное движение.

Закончив обед в обстановке почти пасторальной тишины и покоя, Доктор и зомби пошли дальше, в обход озера. И направлялись они не к научному лагерю.

Штырь, как и прежде, следовал за ними, держа дистанцию, кляня судьбу, занесшую его в Зону, и себя самого за то, что не смог придумать лучшего способа решить собственные проблемы.

Пройдя километров пять берегом озера, Доктор и зомби свернули в сторону заросших редким кустарником холмов. Здесь уже Штырю пришлось проявить всю свою изобретательность и сноровку, чтобы не потерять объект наблюдения и не попасться никому на глаза. Мертвяк и Доктор особой бдительности не проявляли, и все было бы в порядке, если бы не стая слепых собак.

Штырь как раз обходил задворками обычный для этих мест сельский дом. Жила когда-то в доме семья, детей растила, за стариками приглядывала, в огороде свеклу да горох сеяла. Скотина наверняка имелаась – корова, чтобы молоко детям было, с десятков овец, чтобы мясо на праздники было, куры-гуси всякие, как положено, ну и свиней пара, как же без свиней-то. Может быть, и пасека своя была – небольшая, пять-шесть ульев. На работу, наверное, в город ездили, автобусом рейсовым, что раз в сорок пять минут ходит, поэтому и народу в него столько набивается, что ни вздохнуть, ни почесаться. А потом вдруг – ба-ба-а-ах! И нет ничего. Ни свиней, ни коровы, ни кур, ни огорода, ни пасеки. Дома и того нет. Потому что милиция с военными через неделю прибыли – все в респираторах да балахонах странных, удостоверения не показали бы, так никто б и не поверил, что власть, – велели всем в подогнанный автобус садиться. Из вещей с собой ничего брать нельзя, только паспорта и деньги, да и те в прорезиненные пакеты уложили. Дети плакали, потому что кошку бросить пришлось. Хотя кошка –

она-то в чем виновата? Не она ведь атомную станцию строила, и не по ее вине станция эта взорвалась. Кошку нужно было забрать... Не по-людски все как-то получилось.

Вот так, еще до того как в окрестностях Чернобыльской АЭС образовалась Зона, пришла в эти места Пустота.

Странно, но кошек в зоне не было. Куда все подевались? Убежали через защитные кордоны на Большую землю? Или не смогли выжить без человека?

Никого вокруг не было. А дом был еще ничего. Только окна выбиты и крыша набок съехала. Чуть подправить, и жить можно. Было бы желание.

Штырь усмехнулся.

И в этот момент из-за угла дома на него кинулась слепая собака. Отшатнувшись назад, Штырь зацепился ногой за жердину и чуть не упал. Благо жердина оказалась гнилой – сломалась. Выдернув из-под локтя автомат, Штырь выпустил в собаку короткую очередь. Собака взвизгнула, уже в прыжке изогнулась дугой и упала на землю, скребя когтями по сухой траве.

Так.

Штырь прижался спиной к стене и быстро огляделся. Все бы ничего, да только слепые собаки поодиночке не ходят. Где остальные? Прикусив губу, Штырь прислушался. Тишина.

Интересно, Доктор с зомби слышали выстрелы? Да что тут думать, конечно, слышали! Вопрос только, что делать станут? Продолжат путь как ни в чем не бывало, – ну стреляли и стреляли, мало ли чего, можно подумать, в Зоне редко стреляют, – или пойдут на выстрелы, чтобы посмотреть, что происходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.